

И.С. Бердышев

Школьный кризис и права ребенка

**Психотерапевтические рекомендации
учителям и родителям
в отношении “проблемных” учеников**

Санкт-Петербург

2011

Об авторе

Бердышев Илья Семенович — детский врач психиатр-психотерапевт с 30-летним стажем работы в сфере детства и отрочества. В течение 20 лет — сотрудник кризисно-профилактического отделения ГУЗ ЦВЛ “Детская психиатрия” имени С.С.Мнухина, последние 10 лет — старший преподаватель кафедры психологии поведения и профилактики поведенческих аномалий факультета психологии СПбГУ. Профессиональная тема “Помощь детям и подросткам, переживающим кризис” является одной из ведущих в работе автора.

Бердышев И.С. Школьный кризис и права ребенка. Психотерапевтические рекомендации учителям и родителям в отношении “проблемных” учеников. СПб., “Анима”, 2011. 56 с.

Брошюра выпущена при поддержке Института “Открытое общество” в рамках деятельности АДЦ “Мемориал”. Ответственный редактор Ольга Абраменко. Верстка Анастасии Некозаковой.

© Бердышев И.С. 2011.

© АДЦ “Мемориал”. 2011.

Предисловие

Данная работа — попытка автора изложить в компактной форме собственные взгляды на проблемы школьного кризиса, столь актуальной в наши дни.

Речь идет о тех детях, которые, в первую очередь, своим поведением вызывают нарастающую недоброжелательность у учителей, одноклассников и школьной администрации. В результате:

- Учителя и администрация образовательных учреждений нередко не желают дальше иметь подобных учеников;
- Родители начинают глухой обороной защищаться от школы (причем иногда эта защита принимает крайние формы) и, наконец, впадают в отчаяние, не понимая, что и как им делать дальше;
- Одноклассники зачастую отворачиваются от таких товарищей и могут использовать эту ситуацию для их травли;
- Во всех случаях страдают сами “проблемные” дети.

Как вовремя распознать школьные кризисы? Что они выражают? Какие правильные позиции должны занять педагогический коллектив и родители, не нарушая прав ребенка, в отношении кризисных детей? Чем здесь может быть полезен психиатр-психотерапевт?

На эти и другие вопросы вы найдете ответ в этой авторской работе.

Для написания этой брошюры автор использовал в качестве источника свой практический опыт оказания помощи кризисным ученикам и опыт своих коллег по ГУЗ ЦВЛ “Детская психиатрия”, друзей, психологов, педагогов, родителей, чья вера в своих “проблемных” детей помогла им достойно и успешно преодолеть кризисы.

Брошюра может быть полезна всем, кто верит в детей и школу.

Автор благодарит:

своего бессменного учителя и наставника, главного детского психиатра Санкт-Петербурга, заслуженного врача РФ Людмилу Павловну Рубину;

коллектив ГУЗ ЦВЛ “Детская психиатрия” им. С.С.Мнухина, его руководителя к.м.н. Дмитрия Юрьевича Шигашова;

коллег по кризисно-профилактическому отделению и лично зав. отделением Валентину Владимировну Яковенко ;

профессоров Бориса Серафимовича Фролова, Любовь Сергеевну Мотылеву;

коллег по кафедре психологии поведения и превенции поведенческих аномалий и лично Аллу Вадимовну Шаболтас;

моих друзей — психологов и педагогов — за ценные мысли и гуманизм по отношению к детям.

Особые благодарности:

моей жене, социальному педагогу и психологу-психоаналитику Галине Вадимовне Соловьевой за помощь в подготовке этой брошюры;

Светлане Яновне Пигулевской, матери юноши Даниила и моей коллеге, чье эссе “Свет в конце тоннеля” стало прекрасной иллюстрацией к этой брошюре;

сотрудникам АДЦ “Мемориал” и лично директору, кандидату филологических наук Ольге Альбертовне Абраменко.

Коротко о главном: право на школьный кризис

Что главное, а что второстепенное для кризисных учеников? Очевидно, что ответом должно служить стремление всех заинтересованных сторон к быстрейшему разрешению этого кризиса. То есть, в идеале кризисного ученика нужно понять. Учителя и специалисты по кризисам должны определиться с причинами и путями выхода из него. Родители и сами кризисные дети должны эти “проекты” поддерживать, а выводы одобрить. Ровесники и, в частности, одноклассники, — стать группой поддержки. И хорошо, если это происходит оперативно. Учителя, специалисты по кризисам (психологи, психотерапевты, психиатры) срабатывают профессионально, родители разделяют их взгляды на помощь этим детям. И самое главное — всё происходит в рамках того образовательного учреждения, где этот школьный кризис и начался.

Это, однако, в идеале. А в жизни бывает так:

- Учителя видят кризис ребенка, а родители — нет.
- Родители видят кризис у своих детей, а учителя говорят, что всё нормально.
- Все видят кризис, но не знают что делать.
- Родители обращаются к специалистам, те предлагают пути разрешения кризиса. Учителя говорят: “Это ваше дело, это ваши проблемы, приведите ребенка в норму”.
- Учителя заботливо относятся к кризисному ребенку, просят родителей понять серьезность проблем, принять меры и помочь своему ребенку, предоставив всю информацию о том, где и как можно получить помощь. Родители отвечают категорическим отказом, предлагая учителям лучше заниматься своим делом.
- Родители “принимают меры”: обидевшись на учителей, забирают кризисного ребенка из одной школы и просто переводят его, считая, что этим школьный кризис будет снят сам по себе.
- Школа настаивает на переводе кризисного ребенка в другое образовательное учреждение, а родители против. Специалисты с согласны с родителями. И самое главное: кризисный ученик категорически не хочет расставаться со своей школой.

Именно таким конфликтным ситуациям и посвящена наша брошюра.

Мы настаиваем на том, что учащиеся, переживающие школьный кризис, имеют право на переживание этого кризиса в пространстве своей школы. В свою очередь, это означает, что они могут надеяться на понимающее отношение к себе всех участников образовательного процесса: учителей, родителей и одноклассников, а также ожидать своевременную помощь со стороны всё тех же учителей, своих родителей и специалистов по кризисам. При этом — сохранять своё право на помощь в разреше-

нии кризиса в рамках своего учебного заведения до тех пор, пока, в первую очередь, самим детям будет казаться, что это и есть главное условие школьного благополучия. Поэтому призывы школьной администрации, учителей и родительской общественности “Покиньте, пожалуйста нашу школу и решайте свои проблемы сами” — должны всегда рассматриваться и восприниматься как некорректные и незаконные.

Итак:

- У ребенка есть право на школьный кризис;
- Обязанность педагогического коллектива школы, родителей и специалистов по кризисам — помогать таким детям независимо от того, “удобны” или “неудобны” они для своей школы;
- Решение — оставить кризисному ребенку свою школу или нет — принимается только в интересах ребенка и обязательно с учетом его мнения, также с учетом мнения школьных учителей, администрации и рекомендаций специалистов по кризису;
- Простое “выдавливание” проблемного для школы кризисного ученика в другое учебное заведение неприемлемо.

Рекомендация №1

Школьный кризис — возможный этап в жизни детей. Учащиеся имеют право на переживание кризиса.

Учителям	Родителям
понять своих учеников	понять своих детей
принять своих учеников	принять своих детей
поддержать своих учеников	поддержать своих детей
организовать взаимодействие с родителями	организовать взаимодействие с учителями и администрацией
оказать посильную помощь	обратиться к специалистам по кризису

Глава 2

Что считать школьным кризисом: мнения заинтересованных сторон

Мы начали с того, что заявили о праве переживания школьного кризиса детей любого возраста. Теперь важно понять, что считать школьным кризисом, а не, к примеру, “проблемами” или “сложностями адаптации” (эти слова в наше время на слуху).

- *Проблемы* ребенка в школе — это что-то временное и в итоге довольно быстро решаемое;
- *Сложности адаптации* — непростой, но конечный период школьной жизни;
- *Кризис* — это очень много нерешенных проблем и крайняя степень неблагополучия ребенка в школе.

Как понять, что ребенок в кризисе? Это значит понять, в первую очередь, что ребенку в школе очень плохо. Понять, что ребенок в школе так дальше не может и не хочет жить. Поэтому *первая и главная заинтересованная сторона* в переживаемом кризисе — *сам ребенок*. Разные дети по-разному переживают свой кризис.

Вторая сторона — родители. Они могут почувствовать и первыми заметить, что с их ребенком в школе что-то не так. *Третья сторона — педагоги*. *Четвертая сторона — специалисты по кризису*: психологи, психотерапевты, психиатры.

Конечно, взгляды учителей, администрации, родителей и специалистов могут не совпадать. Однако у всех сторон должен быть главный приоритет — интересы ребенка и ориентация на внутреннее самочувствие ребенка в школе.

Учителя имеют свои критерии школьного кризиса: плохое усвоение учебной программы, плохое поведение, плохая дисциплина, плохие взаимоотношения ребенка с учителями и детьми, “неуправляемость”, “необучаемость”. При этом одни учителя объективно оценивают детей по этим критериям и радуются их прогрессу, другие воспринимают кризисных детей, соответствующих этим критериям, как проблему для своей профессиональной деятельности и для других учеников. Третьи считают школьный кризис показателем плохой заботы родителей о своих детях. Четвертые — проявлением психического нездоровья своих подопечных. *Крайне редко учителя пытаются комплексно понять своего ученика на предмет возможного переживаемого им кризиса*.

Родители склонны традиционно судить о том, что происходит в школе, в первую очередь по учительской информации. Дневники, звонки учителям, родительские собрания — по-прежнему основной источник для родителей о благополучии своих детей в школе. Плюс к этому — “пресловутые” домашние задания, заботой о выполнении которых многие родители ограничивают свои функции. Гораздо реже у родителей по-

лучается систематически говорить по душам со своим ребенком, понимая, что с ним происходит в школе.

Психотерапевты и психиатры, в первую очередь, пытаются исключить или подтвердить нервно-психические последствия школьного кризиса.

Таким образом, школьным кризисом у ребенка может считаться такой его “набор” проблем и сложностей в адаптации, который с точки зрения, в первую очередь, самого ребенка, а затем уже взрослых делает его школьную жизнь далее невозможной в том виде, в котором она есть на сегодняшний день.

Школьный кризис у детей может проявляться следующим образом:

- неувоением учебной программы;
- отказом слушать и слышать учителя;
- откровенно опасным поведением;
- разными конфликтами, вплоть до агрессии в отношениях с одноклассниками;
- проблемным общением;
- прогулами занятий и саботажем домашних занятий;
- стойким непосещением школы;
- частыми обидами, слезами, побегами с уроков и из школы.

Здесь учителям и родителям важно помнить, что они имеют полное право заподозрить школьный кризис у своих детей и учеников. И лучше это сделать как можно раньше, обратившись к специалистам по кризису. Школьного кризиса не нужно бояться. К нему надо быть готовым, так сказать, во всеоружии. При этом родители и учителя не обязаны заниматься диагностикой, подменяя собой специалистов. От вас это не требуется — важно, что вы заподозрили кризис у ребенка, вы это почувствовали, вы так решили. С помощью специалистов по кризису вы всегда сможете подтвердить или опровергнуть наличие школьного кризиса. В мире кризиса всё индивидуально и часто непредсказуемо, поскольку кризис — это всегда испытание для человека, это всегда его ответ на длительную невозможность проживать свою жизнь так, как это было прежде, и реакции на эту невозможность могут быть исключительно индивидуальными.

В качестве примера можно сравнить две школьные ситуации и две полярные реакции детей на них.

.....
Благополучный и очень застенчивый шестиклассник, до этого стабильно успешный в престижной гимназии, первый раз неудачно отвечает у доски. В результате — острое развитие панического состояния. Ребенок не мог досидеть до конца уроков — было стыдно, не мог смотреть одноклассникам в глаза. Сославшись на головную боль, ушёл домой. Дома плакал, поднялась температура. Наутро и в последующие дни категорически отказался идти в школу. Родители экстренно обратились в кризисную службу.
.....

Ученик девятого класса. С младших классов плохо обучаем. Формально переводится из класса в класс. К нему крайне негативно относятся одноклассники, считая его “вечным тормозом”. Учителями, которые от него “откровенно устали”, он также серьезно не воспринимается. В семье — неблагополучная обстановка. Родители разводятся. Свои проблемы срывают на нем. При всех негативных обстоятельствах — подросток не переживает никакого кризиса.

Итак:

- Школьный кризис — это реакция ребенка на переживаемую только им ситуацию невозможности прежней школьной жизни;
- Школьный кризис многолик и может проявляться различным внешним поведением учащегося;
- Родители, учителя и специалисты по кризису часто по-разному воспринимают и распознают школьный кризис;
- Психологическая диагностика кризиса — компетенция психологов;
- Психотерапевты и психиатры выявляют нервно-психические последствия кризисов.

Рекомендация №2

Кризис в школе часто непредсказуем, различен в своих проявлениях, субъективно переживаем самими детьми.

Учителям	Родителям
Не бойтесь заподозрить у своих учеников школьный кризис, исходя из собственного опыта и видения конкретной ситуации	Не бойтесь заподозрить у своих детей школьный кризис, исходя из собственного опыта и видения конкретной ситуации
Поделитесь своими переживаниями с родителями	Обсудите свои переживания с учителями и выслушайте их мнение
Получите консультацию у специалистов	Получите консультацию у специалистов

Глава 3

Причины и источники школьного кризиса

Почему же всё-таки одни и те же ситуации в школе у одних учащихся приводят к школьному кризису и даже к его самым тяжелым формам, а у других — проходят бесследно? Ответить на этот непростой вопрос однозначно нельзя. Очевидно, что неблагоприятным фоном для развития школьного кризиса у детей является физическая и психическая ослабленность различного происхождения. Прошлое и настоящее семейное неблагополучие также способствует проявлениям школьного кризиса. Недостаток культуры, неподготовленность детей к школе и их школьная незрелость негативно сказываются на школьной жизни учащихся.

Однако всё вышеперечисленное — это только лишь условия для развития школьного кризиса. А дальше — ребенок испытывает разные неблагоприятные воздействия, связанные со школой, и по-разному субъективно их воспринимает. Среди них:

- Несоответствие учебной программы психофизическим возможностям ребенка (например, ребенок быстро устает, не успевает записывать за учителем, медленно читает и т.д.);
- Самим ребенком понимается неспособность к частичному или полному усвоению программы, как результат — снижение самооценки “до нуля”;
- Отрицательные результаты учебы;
- Авторитарный или попустительский стиль классного руководства;
- Формализм, предвзятость или негативизм педагогов;
- Плохой психологический климат в классе, школе;
- Запугивание и травля со стороны одноклассников;
- Любые контрольные испытания, включая ЕГЭ;
- Неготовность и неспособность к самостоятельной работе, в первую очередь, к выполнению домашних заданий;
- Страх перед наказаниями за школьные проблемы.

Важно помнить, что у каждого ребенка есть свой индивидуальный потенциал, своя способность к сопротивлению сложным жизненным обстоятельствам. Поэтому в одних случаях дети способны переносить самые невероятные, запредельно неблагоприятные школьные воздействия, в других — небольшое воздействие способно глубоко травмировать психику ученика.

Итак:

- Школьный кризис — сложное явление. В реальной жизни “чистые” школьные кризисы встречаются редко. Обычно они возникают на предшествующем неблагоприятном фоне со стороны здоровья, в условиях проблемной семьи и неправильного воспитания, в ситуациях низкой культуры, неподготовленности ребенка к школе.

- **Неблагоприятные школьные воздействия разные по содержанию, но всегда субъективно значимые или безразличные для учащихся.**
- **В развитии школьного кризиса нужно помнить и о способности ребенка сопротивляться неблагоприятным воздействиям школы.**

В качестве еще одного примера участия разных факторов в формировании неблагоприятной ситуации приведем школьный кризис, опосредованный компьютерной зависимостью.

Представим себе ребенка, у которого не сформированы потребности к творчеству, познанию и самостоятельной работе. Родители реально не включают во внутреннюю жизнь своего ребенка, не проживают вместе с ним каждый день, откупаясь разрешением подолгу получить удовольствие от разнообразных игр и просмотра телепередач. Режим дня не сформирован. Возможны развлечения до позднего вечера, поздние отходы ко сну. В школу такой ребенок идет без особого желания. Учитя он из-под палки, всячески увиливая от занятий в классе и дома. Настоящая культура (музеи, театры, кружки, секции, книги) его не очень интересует, все это он тоже воспринимает как нечто навязанное. Родители, по-прежнему занятые своими делами, в его жизни не участвуют, требуя только хороших оценок и примерного поведения. Ему это откровенно надоедает, но пока он маленький — особо с родителями не поспоришь. Но, начиная со средних классов, он уже активно начинает “бороться за свои права” и бойкотировать школу. К этому времени уже серьезно запущены школьные предметы, он имеет репутацию двоечника и лодыря. Очень часто ему к тому же не везет с одноклассниками. У нашего героя, как и у многих современных детей, есть компьютер. Предоставленный сам себе, переживая безразличие к своему внутреннему миру со стороны значимых для него людей и искренне ненавидя школу, ребенок в итоге убегает во внутренний мир компьютера. Ему там лучше, чем в реальности — нет нелюбимой школы. Поэтому рано или поздно он окончательно перестает ходить в школу. И только на этом этапе родители “прозревают”. Попытки запретить пользование компьютером — безрезультатны. Попытки отобрать компьютер наталкиваются на ответную агрессию, вплоть до случаев опасного поведения. И вот это уже настоящий “цветущий” кризис, решение которого без психотерапевтов и психиатров невозможно.

Рекомендация №3

Школьный кризис зависит от условий его развития, от характера действующих школьных “вредностей” и от способности детей противостоять жизненным проблемам.

Учителям	Родителям
Вовремя выявлять семейные проблемы своих учеников	Создавать климат доверия в семье
Иметь общее представление о здоровье своих учеников	Регулярно обсуждать с детьми их школьную жизнь
Сотрудничать с родителями	Критически оценивать информацию учителей
Анализировать школьные воздействия	Обратиться к специалистам по кризису

Этапы развития и характер кризисов

Как уже говорилось, кризис — это в любом случае явление временное. И оно рано или поздно должно чем-то завершиться.

Возможны следующие варианты развития школьного кризиса:

- Кризис разрешается с положительными последствиями для ребенка и других участников образовательного процесса;
- Кризис разрешается положительно только для учащихся, но не для администрации, учителей, одноклассников, их родителей и родителей самих кризисных детей;
- Кризис разрешается благоприятно только для других участников образовательного процесса;
- Кризис для всех разрешается с отрицательными последствиями;
- Кризис принимает затяжной характер.

Представим себе ученика младших классов, переживающего школьный кризис, который срывает уроки, агрессивен к одноклассникам, постоянно ворует их личные вещи (ручки, закладки, игрушки). Администрация образовательного учреждения рекомендует положить ребенка в психиатрическую клинику, учительница готова уволиться, так как чувствует себя полностью беспомощным педагогом. У родителей — двойная позиция. С одной стороны, они грубой силой пытаются переломить кризисную ситуацию, заставить ребенка учиться и вести себя “как надо”, с другой — во всем обвиняют школу, которая изначально, по их мнению, поставила “клеймо” на их ребенка.

Какие пути развития кризисной ситуации возможны?

1. После вмешательства кризисных специалистов ситуация постепенно нормализуется. Проблемное поведение у ребенка проходит. Он начинает чувствовать себя уверенно и больше не испытывает желания защищаться от внутреннего дискомфорта разрушительным поведением. Учительница также успокаивается и научается управлять этим ребенком, при этом помогая классу по-другому — позитивно — взглянуть на него. Ученики меняют свое мнение к лучшему. Нет больше претензий у родителей других детей, довольны и родители кризисного ребенка, начав доверять школе и эффективно поддерживать и помогать ребенку.

2. Родители заставляют администрацию образовательного учреждения “принимать их ребенка таким, какой он есть”, не обращая за помощью к специалистам. Ребенок продолжает вести себя вызывающе и по отношению к детям, и по отношению к педагогу, при этом сам счастлив и доволен. Одноклассники, после административных проработок, тихо враждебны, равно как и их родители. Учительница уволилась.

3. Администрация, учитель и родители добились вывода ребенка на надомное обучение. Они счастливы, как герои кинокомедии “Трудный ребенок”. Кризисный ребенок, находясь на домашнем обучении, вскоре практически перестал учиться, ухудшилось его психическое состояние, он стал часто болеть простудами. У родителей усилилось воспитательское напряжение, между ними и ребенком начались и стали усиливаться конфликты.

4. Родители обратились к психологу, но вскоре перестали его посещать, посчитав, что “все уже бесполезно”. Проблемы ребенка нарастают: он сбегает с уроков, закатывает истерики, если ему запрещают это делать; он стал устраивать настоящие драки прямо в школе. Дети объединяются против него и группами в ответ избивают обидчика. Родители этих детей забросали жалобами администрацию школы и районный отдел образования. Учительница решила довести класс до конца года и не более того. Она “вычеркнула” для себя этого ученика, регулярно ставит ему неудовлетворительные оценки, не давая ему возможности отвечать даже тогда, когда он искренне хочет и может ответить. Мать устала бороться за ребенка, перепоручив воспитание вечно занятому отцу. Отец начал воспитывать мальчика ремнем и лишением прогулок.

5. Ситуация с учеником и другими участниками образовательного процесса нестабильная. Периоды затишья и даже некоторого улучшения сменяются ухудшением ситуации.

Что же считать легким школьным кризисом, а что тяжелым? Это достаточно субъективные понятия.

На одни и те же проблемы поведения кризисного ребенка — расторможенного, импульсивного, много говорящего на уроках — в самой учительской среде могут быть разные точки зрения. Одни педагоги жестко пресекают подобное поведение, другие способны его не допускать уже в самом начале урока. Третьи — сильно волнуются, срываются на истерики, тем самым только подогревая подобное поведение. Четвертые — выгоняют провинившихся за дверь, направляют к завучу или директору.

Можно ориентироваться на степень выраженности, продолжительность и опасность различных поведенческих проявлений. Например, нарастающая агрессия к одноклассникам, длительное неустойчивое эмоциональное состояние — от обид и слез до раздражения и гнева, побеги из школы, устойчивый отказ от посещения занятий, суицидальные высказывания — все это может свидетельствовать о тяжести школьного кризиса.

По-прежнему основным критерием должны стать глубинные переживания самого кризисного ребенка. Здесь важно еще раз понять, насколько ему плохо с самим собой и с окружающим миром. Ему может быть очень плохо в школе, но при этом внешние кризисные проявления минимальны. И наоборот — поведение ужасное, а его переживания дискомфорта незначительные.

Приведем пример того, сколь малозаметными могут быть внешние проявления кризиса и сколь трагические последствия может иметь их нераспознавание.

В 9-й класс из другой школы пришел новый ученик. Это был тихий, скромный и способный подросток. Учился хорошо, но явно без интереса. К нему хорошо относились одноклассники, но настоящих друзей у него не было. Часто его видели грустным и задумчивым. Он сам ни на что не жаловался. Его семья считалась благополучной. Незадолго до весенних каникул он немотивированно впервые за весь учебный год прогулял несколько занятий в школе. Поскольку текущие оценки были хорошие и отличные и сам он не считался проблемным учеником, этому случаю не придали особого значения и не стали сообщать о нем родителям. На весенних каникулах мальчик покончил с собой, оставив предсмертную записку, в которой извинялся перед близкими и писал, что в этой жизни ему нет места.

Кто такие “удобные” и “неудобные” дети? Это принципиальный момент в нашем разговоре о школьном кризисе.

В реальности дети с различными проявлениями школьного кризиса находятся во власти конкретных педагогов. Родители, специалисты по кризисам и другие заинтересованные в судьбе этих детей значимые лица не могут оказывать непосредственного влияния на их взаимоотношения с учителями. А отношения кризисных детей с учителями могут складываться по-разному. Естественно, здесь все зависит, в первую очередь от педагога. Будет ли он желать и способен ли он понять критический характер проблем обучения и нарушений поведения у своих подопечных? Насколько педагог может быть терпимым как к личности самого кризисного учащегося, так и к отдельным проявлениям его кризиса? Может ли он управлять поведенчески “разбалансированным” учеником? Готов ли педагог тратить драгоценное время на перевоспитание и “психотерапию” кризисных детей в ущерб занятиями с остальным классом? Готов ли он поступиться своим учительским авторитетом в ситуациях откровенного вызова и провокаций со стороны кризисных учеников?

Важно помнить и о том, как в таких обстоятельствах складываются отношения учителя с родителями кризисных детей. А эти отношения могут быть как благоприятными, так и, напротив, травматичными для педагога. В первом случае обычно предполагается, что родители постоянно чувствуют себя виноватыми перед учителем за своего проблемного ребенка, не спорят с учителем, полностью полагаются на его авторитет и не конфликтуют с ним. Во втором — ситуация крайне противоположная. Учитель не авторитет. Учитель часто “основной источник” всех проблем с их ребенком. Между родителями и учителем постоянные конфликты. И вот здесь часто учителя сознательно или неосознанно весь негатив своих отношений с родителями начинают переносить на их детей — своих учеников.

Наконец, есть еще проблема оценки учительской позиции к кризисным ученикам со стороны администрации и коллег. Например, администрация школы будет настаивать избавиться от “хулигана” — кризисного подопечного, которого учитель пытается спасти и в которого вкладывает всю свою душу. Коллеги могут объявить такому учителю бойкот за покровительство “хулигану”.

В 1995 году в одном из детских оздоровительных лагерей Ленинградской области отдыхали дети и подростки, состоящие на учете в отделах по делам несовершеннолетних. Среди них особенно выделялся 14-летний подросток Рома. Мальчик с очень сложной судьбой, к этому времени он переживал тяжелый кризис, основными проявлениями которого были: отказ от школы, агрессивное реагирование на унижения, эпизоды вдыхания паров пятновыводителя. Проживая в старом доме с коммунальными квартирами, Рома болезненно реагировал на постоянные пьяные публичные дебоши отца. В школе некоторые учителя говорили ему в глаза, что в будущем его ждет только тюрьма. Подросток, тем не менее, достаточно успешно адаптировался в летнем лагере: не срывал режим, не нарушал дисциплину, был активно вовлечен во все мероприятия, спортивные занятия. При этом мальчик оставался обидчивым, раздражительным, болезненно реагировал на оскорбления и командный тон воспитателей, мог сильно вспылить в ответ. После очередного подобного конфликта, когда Рома грубо ответил на замечание откровенно его недолголюбивающего старшего воспитателя, вскоре встал вопрос о его отчислении из лагеря. На педсовете психолог лагеря был единственным, кто считал, что этого делать категорически нельзя, и смог убедить в своей позиции директора. Подросток был оставлен с испытательным сроком в лагере. Педагогический коллектив посчитал себя обиженным и в прямом смысле объявил психологу бойкот.

Таким образом, позитивное или негативное отношение учителя к кризисному ученику со всей совокупностью его проблем и обстоятельств является ведущим фактором, определяющим тяжесть школьного кризиса. Иными словами, все реально сводится к тому, принимает или не принимает конкретный педагог конкретного своего ученика, с кризисными проблемами в частности. И в этой связи логично предположить, что более сложные, более провоцирующие, более кризисные дети имеют меньшую вероятность быть понятыми и принятыми своими учителями. Непринятые и непонятые кризисные учащиеся будут восприниматься учителями более негативно.

Итак:

- Кризисная динамика может быть положительной или отрицательной и касаться по-разному всех участников образовательного процесса;
- Тяжесть текущего школьного кризиса определяется, в первую очередь, субъективным отношением к нему самого ребенка, во вторую — его оценкой педагогами и, наконец, формализованными показателями продолжительности и обратимости поведенческих проявлений кризиса;
- Понятие “удобности — неудобности” кризисного ученика отражает итоговое субъективное и пристрастное отношение к нему педагогов.

Рекомендация №4

Динамика школьного кризиса, его тяжесть и принятие кризисного ученика во многом определяется пристрастной оценкой педагога, невольно вовлеченного в сам кризисный процесс.

Учителям	Родителям
Попытайтесь объективно оценить свои отношения с кризисным учеником	Попытайтесь беспристрастно понять критику вашего ребенка со стороны педагога
Обязательно обратитесь к специалистам	Получите консультацию специалиста

“Чтобы чаша сия меня миновала”: образ маленького тирана

Предыдущие главы последовательно развивали следующую идею: любой переживающий школьный кризис ребенок, вне зависимости от профессионального определения его специалистами, имеет шансы быть принятым или отвергнутым своими учителями. Психологическое, психотерапевтическое или же психиатрическое заключение о характере кризиса ключевой роли здесь не играет. В этой связи родителям “тяжелых”, кризисных детей не стоит впадать в уныние. Истории известны примеры, когда самые проблемные в поведенческом плане дети успешно и достойно выходили из кризисной ситуации, в том числе школьной. К сожалению, бывает, что обычные, рядовые проблемы школьной адаптации воспринимаются чрезвычайно негативно и разрешаются неумело, в результате чего очень быстро возникает и развивается “тяжелый” школьный кризис.

Сама история педагогики дает нам надежду даже в отношении самых сложных и самых запущенных случаев, связанных с подростковой преступностью. Давайте вспомним:

Антон Макаренко и Сорока-Росинский — трудовые колонии, 1920-е — 1930-е годы, СССР;

Август Айхорн — педагогическая клиника для асоциальных подростков, начало XX века, Австрия;

Януш Корчак — два детских дома для детей с трудной судьбой, 1930-е — 1940-е годы, Польша;

Мельвин Роуз — реабилитационный центр для подростков с глубокими эмоциональными проблемами и противоправным поведением, 1970-е — 1980-е годы, Великобритания;

Питер Мак-Ларен — общеобразовательная школа “Джейн Фини Коридор” в пригородном гетто, XX век, Канада.

Во всех этих разноплановых учреждениях знаменитые педагоги со своими трудно-воспитуемыми, морально падшими, криминально ориентированными юными подопечными с травмированной психикой добивались потрясающих результатов — возвращения в здоровую жизнь вообще и за школьные парты в частности.

Контрастными, к сожалению, являются те случаи, когда самое начало школьного кризиса в его самых безобидных проявлениях упорно игнорируется как несущественное. В результате этот кризис внезапно принимает самый отчаянный и порой драматический характер.

Май 1988 года. На приём к участковому психиатру родители и завуч школы экстренно приводят ребенка—первоклассника. Причина обращения: мальчик на большой перемене немотивированно пытался повеситься на веревках от оконной фрамуги, став для этого на подоконник и дождавшись возвращения детей на очередной урок. Со слов родителей, до сегодняшнего утра мальчик расценивался ими как физически и психически здоровый ребенок. Со слов завуча, мальчик благополучный, добрый, послушный, хорошо учился, не вызывал ранее никакой тревоги у педагогов. В процессе клинической беседы выяснилось, что с первых месяцев учебы над мальчиком стали подтрунивать его одноклассники. Дело в том, что он был полноватым и выше всех по росту. К концу года подтрунивание стало перерастать в откровенные словесные издевательства. Мальчик обратился вначале за помощью к родителям, но те посоветовали “не реагировать на чепуху и не брать в голову”. Затем он обратился к учительнице, однако она жестко заявила, что она не любит “нытиков” и “нюнь” и вообще будущему мужчине жаловаться не пристало. Получив подобные “инструкции” от самых значимых взрослых, мальчик никому больше не жаловался. Терпел, сколько мог, и к концу учебного года впал в полное отчаяние. Понял, что он уродлив из-за своей “толщины”, и поэтому заслужил плохое отношение других. В день обращения к врачу ребенка в очередной раз обозвали “жирным”, ему было очень обидно и грустно. Он хотел разжалобить одноклассников. Отчаянное решение пришло моментально (подобное, как оказалось, ребенок видел в кино): встал на подоконник и набросил петлю. С точки зрения психиатра, ребенок уже длительно переживал тяжелый кризис: прогрессивно ухудшалось настроение, разрастались болезненные идеи собственного уродства и связанное с ним самообвинение. Суицидная попытка стала закономерным исходом этой маленькой драмы, которую упорно игнорировали учительница и родители на протяжении всего учебного года.

С кем не хотят иметь дело учителя и почему?

Абсолютно жизненная постановка вопроса. Каждый из нас, взрослых людей, хотел бы, чтобы в его жизни было как можно меньше проблем, непредвиденных обстоятельств и стрессовых событий. Очевидно, что обостренная потребность в безопасности играет большую роль в профессиональной жизни педагогов и во многом определяет специфику отношений с учениками и родителями. Ключевое слово, определяющее напряженность профессиональной деятельности учителя, — это ответственность:

- Ответственность за жизнь детей, за недопущение непредвиденных обстоятельств и несчастных случаев с участием детей, за конструктивное и бесконфликтные отношения с родителями и успешное проведение родительских собраний;
- Ответственность за дисциплину и режим, за “правильные”, “надлежащие” взаимоотношения с детьми, за здоровый психологический климат в классе, за классное руководство и проведение внешкольных мероприятий;
- Ответственность за мотивацию детей к учебе, за индивидуальный подход к ученику, за справедливые и непредвзятые проверки знаний и оценивание;
- Ответственность за правильное донесение знаний до своих учеников, за своевременное прохождение учебной программы, за текущее и итоговое усвоение учебного материала;

- Ответственность за правильное и своевременное ведение документации, материально-техническая ответственность;
- Ответственность за свой имидж и авторитет.

В этом плане, профессия учителя относится к категории “постоянно ответственных”, что побуждает учителя не расслабляться, но находиться в рабочем напряжении, часто граничащем со стрессом. И в этих условиях учитель обязан быть доброжелательным и требовательным, понимающим, но ничего не спускающим, мягким, но беспристрастным. Он должен излучать любовь к детям и умело ими управлять. Естественно, что для ежедневной реализации своего человеческого и профессионального потенциала учителю нужны ежедневные (хорошо бы гарантированные) комфортные условия. А комфортные условия — это в первую очередь успешно реализованная ответственность за каждый школьный и внешкольный день.

Когда же ответственность учителя начинает проходить испытания на прочность, усиливается его рабочее напряжение, включаются защитные механизмы, пытающиеся сохранять его комфортное самочувствие.

Когда этих механизмов уже не хватает, возможен срыв. Срыв, в свою очередь, может перерасти в кризис, а кризис — в давно известный феномен профессионального выгорания. Ни один здоровый учитель не желает себе кризиса, всяческих стрессов и отвращения к профессии. Никому из учителей не хочется срываться на детях, коллегах и своих близких. Никому не хочется в молодом, цветущем возрасте “заработать” болезнь “на нервной почве”. Никто не пожелает себе судьбы дорабатывать до пенсии, откровенно ненавидя детей. Поэтому стремление учителей к эмоциональному комфорту понятно и оправдано — и каждый учитель сознательно или подсознательно пытается в своей профессиональной деятельности избегать “опасных” ситуаций:

- Ситуаций, которые регулярно ставят под сомнение в глазах учеников учительский авторитет (нет возможностей организовать детей на учебу, дети регулярно бойкотируют учебу, дети постоянно демонстрируют неуправляемое поведение, приходится обучать детей, чьи моральные и личностные качества неприемлемы для учителя);
- Ситуаций, которые регулярно связаны с возможностью непредсказуемых поступков и несчастных случаев среди учеников, которые связаны с угрозой для жизни учеников;
- Ситуаций невозможности в отведенное время обучить учащихся минимуму знаний по своему предмету, ситуаций, в которых непрофессионалы пытаются навязать свою точку зрения на то, как надо правильно работать;
- Ситуаций конфронтации с родителями, чреватых частыми жалобами в вышестоящие инстанции;
- Ситуаций давления со стороны администрации, ситуаций, при которых коллеги будут считать учителя неудачником.

Конечно, индивидуальность каждого педагога влияет на его восприятие тех или иных опасений. И здесь нередки их “парадоксальные”, с точки зрения учеников и родителей, реакции. Например, учительница с репутацией смелого и решительного че-

ловека, способная поставить на место взорвавшегося юного агрессора, в то же время может изменить свое отношение к ученику в худшую сторону, болезненно отреагировав на однократный факт его мелкой лжи.

Образ монстра, или ученическая *persona non grata*

Попробуем составить “коллективный портрет” проблемного ученика и привести примеры наиболее типичных ситуаций, связанных с такими детьми. В таком портрете обязательно найдется место различным проявлениям импульсивности, расторможенности и неуправляемости. Обязательно должны быть взаимно негативные отношения между учеником и учителем. От такого ученика “всегда” должны страдать дети, будь то очередной срыв урока или очередной жестокий акт агрессии против “всегда невинных” одноклассников. Этот ученик должен быть способен к изощренным и регулярным провокациям. Он может воровать у детей и в этом никогда не признаваться, издеваться над малышами и слабыми, подбивать детей на плохое тайком от взрослых.

Теперь послушаем типичную учительскую характеристику такого ребенка: “Он всегда лжет, делает всё исподтишка. Всем от него плохо, все от него страдают. Голова у него, может, и хорошая, но он лентяй, учиться не хочет, однако нагло требует хороших оценок. Любит жаловаться на то, что все его обижают (хотя всегда есть за что). Его вечные слезы, истерики и обиды уже всех достали. Самое ужасное, что он непредсказуем в своих поступках, опасен для себя и для других. На внешкольные мероприятия его брать невозможно — не умеет себя вести, только позорит учителя и всю школу. И самое неприятное — может потеряться, что-то сломать, рискует попасть под машину, “без тормозов” выбегая с тротуара на дорогу. Сделать ему замечание невозможно — нагло хамит и даже угрожает последствиями учителю. Возможно, у него не все в порядке с головой. А мать все твердит про какой-то кризис, поставленный каким-то психиатром (вероятно, за деньги), и требует к нему особого отношения. Она не понимает, что сама воспитала такое чудовище. Отцу запрещает наказывать ребенка ремнем, а такому как раз наоборот — только ремень и нужен. Слепая любовь, слепая вера в ребенка. Во всем обвиняет учителей и одноклассников. Оказывается, это мы не даем ему учиться в школе! Вечно куда-то пишет жалобы, всем портит нервы. Даже директор устранился от ситуации. Мол, решайте сами: уйдут из школы — будет на нашей улице праздник, останутся — будем мучиться дальше. А если ЧП, то кто будет отвечать?”

Подобных коллективных портретов можно составить много, в зависимости от личностных и профессиональных предпочтений их авторов. Однако в каждом из них будут прослеживаться одинаковые характеристики “нежелательных” учеников и их родителей.

Итак:

- Тяжелые поведенческие проявления у учеников обычно связаны с текущим кризисом. К сожалению, проблемы, создаваемые такими поведенчески кризисными детьми и подростками, обычно не воспринимаются педагогами как результат кризиса. Чаще педагоги видят в них чистой воды хулиганство и результат дурного воспитания. Тем не менее, в истории педагогики много примеров оказания действенной помощи таким несовершеннолетним путем

перевоспитания, врачевания душ или психологического воздействия. При одном условии: этого искренне хотят специалисты — педагоги, врачи, психологи. С другой стороны, “слабые, малозаметные и никого не беспокоящие” проявления школьного кризиса могут игнорироваться педагогами и родителями как несущественные. В итоге как бы действует закон: “Всё или ничего”. То есть крайние проявления кризиса игнорируются как совокупность педагогических, психологических и клинических проблем учащихся. Вместо этого объективное распознавание кризиса подменяется морально-нравственными оценочными суждениями учителей и родителей. А это недопустимо, так как драгоценное время для оказания комплексной помощи кризисным учащимся уходит впустую.

- Причина игнорирования истинной проблемы и защиты педагогов от контактов с поведенчески трудными детьми во многом связана с их естественной, профессиональной потребностью в безопасности. Сама же безопасность предполагает постоянное чувство душевного комфорта педагогов — основы их рабочей стабильности. Педагог стабилен, когда он может контролировать учебную и воспитательную ситуацию, когда он ответственно исполняет свои функции. Любые помехи и препятствия на этом пути с помощью защитных механизмов должны отторгаться — в противном случае может произойти срыв. А “сверхпроблемные” дети, например, и есть такая помеха.
- Не существует одного-единственного образа “нежелательного” ученика. Вероятно, каждый педагог имеет целый набор подобных образов, отражающих его личностные и профессиональные предпочтения.

Рекомендация №5

Школьный кризис, проявляющийся как очень ярко — неприемлемым поведением ученика, — так и в стертой, невыраженной форме, часто игнорируется учителями и родителями и не определяется ими как собственно кризис. Вместо этого они могут воспринимать его как “капризы”, “распущенность”, “наглость”, “хулиганство” и “дурное воспитание”.

Учителям	Родителям
В случае “сверхпроблемного” ученика не отчаивайтесь, предполагайте и исключайте кризис	В случае “сверхпроблемного” ребенка обращайтесь к специалистам
Попытайтесь совместно с родителями и специалистами разобраться, в чем истинная причина “ужасного” поведения ребенка; не спешите с ярлыками (“распущенность”, “хулиганство” и т.д.)	Если уже известно, что у вашего ребенка кризис, а учитель это отрицает, то дайте ему время понять это, наладьте с ним сотрудничество
Чувствуйте себя уверенно и продолжайте контролировать ситуацию с учеником	Не теряйтесь, продолжайте контролировать ребенка
Попытайтесь не пропускать мелочи в поведении ребенка	Осуществляйте ежедневный мониторинг школьных “мелочей” ребенка

Глава 6

Вместе помогаем кризисным детям: распределение обязанностей

Свершилось: вашим учеником стал кризисный ребенок. Диагноз подтвержден всеми: психологами, психотерапевтами и психiatрами. Проявление этого кризиса носит с эстетических, моральных и общечеловеческих позиций крайне неприятный характер, ибо абсолютно не укладывается в стандартные представления педагогов о границах допустимого в детстве и отрочестве. Именно поэтому педагогам часто бывает сложно принять сверхпроблемное поведение своих учеников за кризис или как-то связать его с ним — ведь у них есть свои представления о школьном кризисе.

Учителя не ожидают увидеть в поведенческом репертуаре своих подопечных жестокости, лживости, оппозиционности и разрушительности. Для большинства педагогов школьный кризис — это, в первую очередь, такие детские переживания, когда искренне хочется подбодрить, помочь и успокоить отчаявшихся ребятешек. Это печальные и грустные дети, это несправедливо отверженные коллективом злых одноклассников беспомощные добряки, это искренне старающиеся постичь непостижимые для них школьные знания и искренне страдающие от этого тугодумы, наконец, это жертвы семейного насилия, отчаянно скрывающие от учителей правду об очередной порции синяков, полученных накануне от пьяного отца. Такие несчастные дети искренне воспринимаются окружающими всегда добрыми, благородными, по-детски трогательно понятными и располагающими к сочувствию.

Становится ясно, что в этот sentimentalный образ юных страдальцев не вписываются такие характеристики, как грубость, подлость, провокационность, черствость, неискренность и т.д. А самое главное — игнорирование учительского авторитета, полная неуправляемость и неблагодарность (чем больше учитель пытается помочь, понять ученика, где-то “прикрыть” или “отмазать”, тем больше “гадостей” он выдает в ответ своему спасителю). Сюда не вписываются и ожесточенные и конфликтные родители этих учеников.

Приведу конкретный пример такой “утонченной” трактовки школьного кризиса администратором образовательного учреждения для дезадаптированных детей.

13-летний подросток, ученик 7-го класса массовой школы, получающий психиатрическую помощь у участкового психиатра по поводу эмоциональной и поведенческой расторможенности, связанной с последствиями минимальных мозговых нарушений в раннем возрасте, переживает тяжелый школьный кризис. В школе он вечно расторможен, многоречив, конфликтен. Старается обратить на себя внимание одноклассников, грубо играет роль классного шута. При этом мальчик добрый, непосредственный и, как ни странно, отзывчивый. Почти все учителя настроены к нему откровенно негативно. Его обвиняют во всех ЧП, происходящих в этой школе, настраивают против него детей. Самооценка мальчика резко снижена. Он отчаянно пытается каждый день вести себя правильно, но ничего не получается. Мать

из последних сил старается ему помогать, верит в него, но в последнее время стала часто срываться. Ругает сына, унижает словами, заявляет ему, как он испортил ее жизнь, после этого раскаивается, но ничего не может с собой поделать. Администрация школы категорически настаивает на переводе ребенка в школу для “дефективных” или выводе на домашнее обучение, считая его психически нездоровым. Мнение участкового психиатра: ребенок с сохранным интеллектом, способен к учебе в массовой школе, надомное обучение — не выход, так как полностью оттолкнет его от школы и тем самым усугубит кризис. Наоборот, ему нужен особый подход, отказ от навешивания отрицательных ярлыков (“псих”, “хам”, “идиот”, “шут” и т.д.), немного терпения и понимания, а также активное вовлечение в организованный досуг, например, занятия футболом. Наконец, выход находится. В районе есть специальный образовательный центр для дезадаптированных в школе детей: особый подход, малая численность учащихся в классах, психологическое и социально-педагогическое сопровождение. Наш кризисный подросток прошел комиссию и был зачислен в эту “чудо-школу”. И он, и его мать в радостном ожидании новой жизни. Начался новый учебный год. Мальчик всем доволен: легко учился, подружился с одноклассниками, стал заниматься футболом. Тем не менее, часть естественных для него проблем — шумливость, импульсивность, хаотичность, страсть к шутловству — еще сохраняется. И это начинает быстро раздражать его новых педагогов, специалистов по выведению детей из школьной дезадаптации. Мальчик недоумевает: за короткий срок его невзлюбили новые педагоги, стали относиться к нему хуже, чем это было в предыдущей школе, опять настраивают против него одноклассников, опять каждый день вызывают мать. К концу первой четверти директор ставит перед матерью условие: либо она забирает ребенка из школы, либо администрация передает накопившиеся на ее сына документы в комиссию по делам несовершеннолетних. Потрясенная родительница пытается понять, почему такой финал, и именно в этой школе, где наоборот должны были помогать кризисному подростку. Ответ директора обескуражил отчаявшуюся женщину: оказывается, эта школа для травмированных учебными неудачами детей, а не для “распущенных хулиганов”, каковым является ее сын. Очевидно, что подобный отбор, подобная селекция кризисных детей полностью дискредитирует благородную идею помощи терпящим бедствие учащимся.

Агрессивный компонент кризиса несовершеннолетних — это одна из реальностей нашего времени! Следовательно, кризисные учащиеся с этим компонентом заслуживают того же уважительного отношения со стороны профессионалов от образования, что и их невольные товарищи по несчастью, ведущие себя неагрессивно.

Теперь обсудим, каким образом помогать таким детям выходить из кризиса и как при этом распределять обязанности между всеми заинтересованными лицами. Все участники помощи учащимся, переживающим кризис, в идеале должны представлять собой слаженную команду. Эту команду можно именовать по-разному: помощники, спасатели, выводящие из кризиса, реабилитологи, но для нашей темы мне представляется более подходящим термин “доверенные взрослые”. Идея команды является принципиальной. Вопрос не только в общем подходе к таким детям. Конечно, и один в поле воин, будь то родитель, учитель, социальный работник или психотерапевт. Но при отсутствии единомышленников эффект противодействия попыткам оказания помощи кризисным учащимся может значительно превышать позитивное воздействие

на таких детей. Поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы эта команда состоялась. В противном случае шансов на полную нормализацию кризисной ситуации в конкретном образовательном учреждении будет значительно меньше.

Однако все препятствия на этом благородном пути мы должны разделить на субъективные, о которых мы много говорили в предыдущих главах, и объективные. Объективные препятствия подразумевают фактически сложившуюся практику межведомственной разрозненности, несмотря на существующую нормативную законодательную базу, которая предписывает то самое взаимодействие в интересах детей, особенно в экстремальных ситуациях. В частности, самый важный в нашем случае Федеральный закон №120 от 1999 г. “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” предписывает образовательным учреждениям воспринимать дезадаптированных и сверхпроблемных учащихся как нуждающихся в создании особых благоприятных условий. В свою очередь, другие субъекты профилактики — отделения УВД по делам несовершеннолетних, социальные службы, отделения по молодежной политике, учреждения здравоохранения и прочие — обязаны активно подключаться к судьбам таких детей и подростков. Координировать всю профилактическую и конкретно-практическую работу с этой категорией несовершеннолетних должны районные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП).

На деле до предложенного идеала еще далеко. Школы ориентированы на то, чтобы максимальное количество сверхпроблемных ситуаций с учащимися и их родителями решать самостоятельно, не преследуя главной цели — успешного разрешения кризисной ситуации страдающих детей. В первую очередь, школьная администрация заинтересована в благополучии системы человеческих связей, сложившихся в каждом образовательном учреждении (совершенно понятная, прагматическая идея блага для большинства учителей, учащихся, их родителей). Кризисным детям и их родителям прямолинейно предлагается либо мгновенно исправиться, либо покинуть учебное заведение — то есть подстроиться под некоторые режимные и дисциплинарные стандарты, принятые в разных образовательных учреждениях с разными границами терпимости/допустимости.

Педагоги и школьные администраторы должны осознать, что выход из кризиса, тем более тяжелого, требует разного времени для разных учеников. Выйти из кризиса мгновенно или так быстро, как хочет того учитель, ребенок не может. Таким образом, заранее создаваемая ситуация дефицита времени, отведенного им для выхода из кризиса, не оставляет проблемным детям шанса на исправление. Как, скажите, за пару месяцев чрезмерно обидчивый пятиклассник, убежденный, что все в школе его ненавидят и смеются над ним, и поэтому регулярно устраивающий драки, перестанет обижаться и мстить окружающим, если он только-только приступил к сотрудничеству с психотерапевтом?

Активно настаивать на помощи специалистов по кризису, а также с ними сотрудничать учителям тоже невыгодно, потому что они прекрасно понимают: им нужно будет “плыть в одной лодке” с “нежелательным” учеником, от которого они мечтают избавиться, неограниченное время, то есть реально сотрудничать с ним, помогать ему, ждать его исправления. Им уже не придется ждать “рекомендательного подарка” — вывода ученика на домашнее обучение или перевода в другую школу. Совершенно очевид-

но, что кризисный дезадаптированный школьник, оказавшись без подготовки в новом образовательном учреждении, имеет много шансов испытать там те же проблемы. А вырвать его из школы, выводя на домашнее обучение, — это значит признать его социальную неполноценность и навесить соответствующие негативные ярлыки. Кроме того, надомное обучение оформляется медиками исключительно по существующим строгим медицинским показаниям.

Есть еще один момент, не способствующий активному взаимодействию учителей и специалистов: это негласная установка без особой нужды “не выносить сор из избы”.

Специалисты по кризису тоже работают по заявительному принципу, — включают, если к ним обращаются с проблемой. Исключение составляют случаи с неблагополучными родителями, официально признанными таковыми органами власти по той причине, что они плохо выполняют свои родительские обязанности.

Особо необходимо уточнить, что психиатрическая и психотерапевтическая помощь, по действующему законодательству (закон “О психиатрической помощи” 1992 г.), осуществляется только с согласия родителей (или лиц их заменяющих) в отношении детей до 15 лет. С 15 лет требуется согласие самих подростков, за исключением случаев принудительного психиатрического освидетельствования, когда из-за психического расстройства есть реальная опасность для самих страждущих или для их окружения. Поэтому любые контакты педагогов и иных специалистов по кризису с психиатрами-психотерапевтами возможны только при личном желании родителей кризисных детей и подростков. Если такое сотрудничество начинается, то вся информация о психиатрической или психотерапевтической помощи должна использоваться только во благо кризисных учащихся, и работать с ней можно только в режиме СП — специального пользования. Информация не подлежит разглашению без согласия на то самих родителей, используется в том объеме и в том ракурсе, в котором она утверждена родителями и самими кризисными учащимися.

Приведем несколько примеров контрастного отношения к командному принципу работы с кризисными учащимися со стороны администрации образовательных учреждений.

Девятиклассник, до этого во всех смыслах благополучный ученик, резко переживает учебную несостоятельность в последней четверти. Ему трудно сосредоточиться. Что-то происходит с памятью. Все контрольные пишет на “2”, из-за чего сильно расстраивается. Считает, что “отупел”. Резко снижено настроение. Возникли мысли о неполноценности, размышления о смысле дальнейшей жизни. Вместе с родителями обратился к психотерапевту, начато обследование. Подростку категорически было отказано исправить оценки в течение летнего периода. Он в отчаянии. По просьбе матери психотерапевт пытается убедить директора школы дать кризисному подростку шанс исправить оценки. В ответ психотерапевт слышит от директора, что у него “все кризисные дети” в школе, а раз так, то он не сможет организовать индивидуальный подход к этому ученику. Директор считает оптимальным, если мальчик останется на второй год, что и “вылечит наверняка все его кризисы”. Впоследствии в результате обследования было установлено, что у мальчика резкая форма злокачественной опухоли мозга.

Восьмиклассница одной из гимназий города прогрессивно ухудшает свои отношения с одноклассниками. Она резка, груба и категорична в суждениях. Для одноклассников это становится невыносимо. Они жалуются классному руководителю на эту девочку, просят “убрать” от них проблемную ученицу. Родители одноклассников объявляют соответствующий ультиматум директору: или директор своей властью исключает “хулиганку” из школы, или они пойдут жаловаться “выше”. На попытки учителей успокаивать эту ученицу в моменты вспышек ярости, она реагирует сквернословием и на них. Большинство учителей присоединяется к требованиям прочих детей и их родителей. Единственным доверенным лицом для девочки является классная руководительница. Она знает, что дома у этой ученицы тяжёлая атмосфера: родители девочки разводятся. Отец практически не живет дома, мать свое отчаяние срывает на дочери, нелепым образом укоряя ее за испорченные отношения со своим мужем. Девочка принимает эту вину. Каждый день идет в школу “на взводе”. Срывы случаются произвольно, как бы сами по себе. Она сильно страдает, винит себя, понимает, в какое “чудовище” превратилась, но ничего с собой не может поделать. Классная руководительница максимально поддерживает девочку, разъясняет все происходящее коллегам, просит их быть толерантными, убеждает директора не принимать мер против девочки. Одновременно по мере сил и возможностей она “разруливает” все происходящие с ней конфликты в школе. Проблема в том, что озлобленная мать предлагает “сдать” свою дочь “куда угодно” для перевоспитания “дурного характера”, но категорически отказывается от консультации с психологами и психиатрами. Учительница несколько раз консультирует эту ситуацию, в том числе и очно в кризисной службе. Школа через интенсивные контакты с ОДН, прокуратурой района, КДН и ЗП, органами опеки и попечительства добивается изменения озлобленного отношения матери к дочери. Наконец мать и дочь обращаются к кризисному психотерапевту. Постепенно им помогают выйти из личностных (индивидуальных) кризисов, после чего нормализуются их семейные отношения и ситуация в школе. Весь этот период рядом с девочкой ее классная руководительница. Ситуацию курируют инспектора ОДН, опеки. К работе с семьей подключился психолог, специалист по социальной работе. Впоследствии к сотрудничеству удалось привлечь и отца девочки, который возобновил встречи с дочерью.

Достаточно эмоционально незрелый (инфантильный) 13-летний семиклассник с начала подросткового периода переживает тяжелый кризис. В школе, со слов учителей, он своей постоянной “болтовней” срывает уроки, хамит взрослым, постоянно обижает детей, и, вроде бы, стал воровать в столовой пирожки. Мать сообщила в школу о начале сотрудничества с психотерапевтом, однако педагоги и администрация школы проигнорировали эту информацию. А в разговоре с психотерапевтом по телефону завуч высказала свою точку зрения: мол, нет никакого кризиса у подростка. Он просто наглый и распущенный, а мать его покрывает. Ему нужна спецшкола для трудных детей. “И вообще, — добавила завуч, — я в школе 25 лет работаю и сама могу определить, где кризис, а где его нет!”

В течение месяца специалисты кризисной службы (психотерапевт, психолог и логопед) помогали девятилетнему мальчику и его матери пережить сложный кризис. Мальчик был замкнут, тревожен, имел ряд патологических страхов и эпизоды дневного энуреза. Дома был непослушен, конфликтен и обидчив с матерью. В школе мог внезапно начать дразнить детей, доводя их до слез, действовать на нервы учителям. Часто прятался под парту, чтобы его искали, оттуда кукарекал. Мудрая и отзывчивая учительница понимала, что с учеником что-то не так. В искренней беседе с учителем, мать рассказала, что сотрудничает со специалистами в городской кризисной службе. Учительница обратилась к психотерапевту, чтобы он посетил школу, где учился наш герой, понаблюдал за ним во время занятий и дал соответствующие рекомендации. В виде исключения, психотерапевт исполнил ее просьбу и дал советы учительнице, завучу младших классов, школьному психологу и социальному педагогу, которые в тесном взаимном сотрудничестве к концу учебного года значительно улучили ситуацию, хотя оставался ряд учебных проблем, с которыми работа продолжилась на следующий учебный год, уже в четвертом классе.

Итак, командный принцип работы специалистов необходим для скоординированной помощи кризисным ученикам.

Теперь обратимся ко всем заинтересованным сторонам, вовлеченным в школьный кризис, и рассмотрим их действия в разных ситуациях.

Кризисные учащиеся

Они — активные участники всех событий школьной и внешкольной жизни и самые заинтересованные лица в разрешении кризисных ситуаций. Помощь всех значимых взрослых должна восприниматься ими как реальная для них человеческая активность, которую они понимают и принимают, активность, не имеющая никакого отношения к явным или скрытым манипуляциям взрослых. В тоже время доверие к миру взрослых у кризисных учащихся складывается совершенно индивидуально. У одних детей его еще мало, у других уже практически не осталось — вместо доверия появились различные негативные защитные реакции против взрослых. Поэтому это доверие заново надо возрождать. Отсюда, само отношение к помощи взрослых может быть трояким:

1. Дети готовы и ждут помощи взрослых;
2. Дети не полностью готовы и слабо надеются на помощь взрослых;
3. Помощь взрослых им не нужна, они от неё отказываются.

Следовательно, взрослые должны адекватно отвечать на подобные детские реакции.

В первом случае — команда специалистов договаривается с детьми и подростками о том, как будет выглядеть эта помощь. То есть взрослые протягивают руку ученикам и те её принимают.

Во втором случае — команда специалистов способствует детям и подросткам лучше подготовиться к помощи и создает развивающие условия, при которых они начинают желать этой помощи. То есть ученики еще сомневаются в принятии помощи, и взрослые помогают преодолеть эти сомнения.

В третьем случае — команда информирует негативно настроенных к получению помощи несовершеннолетних о том, что она понимает и принимает их текущий отказ от

сотрудничества, но со своей стороны будет проводить политику помощи и надеется, что со временем эти усилия будут детьми востребованы. То есть взрослые первые делают шаг навстречу кризисным ученикам и ожидают с их стороны ответной активности.

Во всех случаях кризисные учащиеся должны:

- Почувствовать позитивное, не обвиняющее, не карательное и не отвергающее отношение к себе со стороны взрослых;
- Осознать, что их проблемы по-человечески сложны и порой болезненны для взрослых, но взрослые их понимают и готовы вместе с ними разделить кризис;
- Увидеть в этом соучастии веру в них, в их возможности преодоления самых запредельных проблем, в том числе и школьных;
- Ощутить равнодушие и поддержку школьного коллектива;
- Иметь возможность в пространстве школы положиться на доверенных лиц, которыми могут быть те учителя и сотрудники школы, к которым они испытывают максимальное доверие;
- Понять, что от них требуются конкретные шаги по нормализации своего проблемного поведения;
- Эти шаги делать постепенно, под руководством специалистов, которых не нужно бояться, а относиться к ним как к партнерам, тренерам, наставникам и менеджерам;
- Представлять себе, в зависимости от возраста, само понятие собственного кризиса (период проблем), его характер и то, что нужно сделать для его преодоления;
- Иметь право активно участвовать в своей собственной судьбе;
- Рассчитывать на всех этапах кризисной помощи на понимание, поддержку и соучастие родителей.

Родители

Прежде всего, тем родителям, кто близок к отчаянию, надо сделать все возможное, чтобы не впасть в него. Тем, кто этой участи не миновал, важно настроиться на то, как выйти из отчаянного положения. Как бы ни было трудно родителям с кризисным ребёнком, они всегда должны помнить, что без их регулярного и интенсивного участия в судьбе своего чада все остальные усилия (педагогов, психологов, врачей) могут оказаться бессмысленными.

Отношения родителей к школьному кризису и его перспективам может быть следующим:

1. Родители надеются на положительный исход кризиса и готовы сотрудничать для этого с заинтересованными лицами;
2. Родители слабо верят в положительный исход кризиса и не видят особого смысла в сотрудничестве;
3. Родители мистически настроены — “будь что будет”. Если нам помогут, то хорошо, если нет — то хуже не будет;

4. Родители потеряли веру в себя и надеются разрешить кризис только с помощью учителей и специалистов;

5. Родители заведомо настроены всю ответственность переложить на учителей (“Вас для этого и учили”) и специалистов (“Вы на то и психиатр, чтобы моему вправить мозги!”);

6. Родители “бегут по кругу” в поисках той школы, в которой “настоящие” учителя по-хорошему будут относиться к их ребенку, и в поисках того единственного чудо-специалиста (например, остеопата), который “раз и навсегда” вылечит от кризиса их сына или дочь;

7. Родители потеряли веру в себя, в ребенка, в учителей и в специалистов, уходят “в глухую оборону”, отказываются от любого сотрудничества.

Что же потребуется от родителей проблемных детей для разрешения школьного кризиса?

- Запастись терпением, выдержкой, самообладанием;
- Быть готовыми к непредсказуемым поворотам событий в жизни своих кризисных детей (“Раньше только школу прогуливал, а теперь ещё и воровать начал”);
- Быть готовыми к дальнейшему, но временному ухудшению положения дел со своими кризисными детьми уже во время оказания помощи (“Учитель бьется с ним, бьется, а все без толку”, “Ходим уже месяц к психиатру, а никакого улучшения нет”);
- Соблюдать объективность и беспристрастность при разборе “школьных полетов” (воздерживаться от крайностей типа: “Ну и не расстраивайся, подумаешь — замечание эта дура пишет! Это она назло делает”, “Не надо мне ничего объяснять: двойку получил, значит, за дело”);
- Анализировать каждый прожитый день своего ребенка, в том числе и в школе;
- Понимать, где ребенку плохо, когда ему плохо, из-за чего ему плохо и чем конкретно ему можно помочь;
- Не дать своим разрушительным чувствам — вине и стыду — заблокировать сотрудничество с учителями и специалистами; продолжать сотрудничество и диалог даже с теми педагогами, которые настроены к вам и к ребенку явно негативно;
- Не объявлять войну педагогам и не втягивать в неё ребенка;
- В сложных ситуациях смело предлагать специалистам быть посредниками между вами и школой;
- Уверенно и убедительно высказывать учителям ваши суждения о своем ребенке и доводить до них ваши пожелания в отношении ребенка в школе;
- Совместно с педагогами и специалистами оценивать изменения в школьной жизни вашего ребенка; оценивать, какие потребности и права ребенка у вас дома и в школе соблюдаются, а какие блокируются;
- Постоянно давать выговариваться вашему ребенку и помогать ему в этом, быть готовым работать “скорой психологической помощью”, если вам внезапно среди рабочего дня по мобильному телефону позвонит ребенок;

- Создавать разумный режим дня с фиксированным временем приготовления домашних заданий, пользования компьютером, участия в полезном досуге и отдыхе;
- Чувствовать и действовать как эффективный, успешный родитель;
- Чувствовать уверенный контроль над кризисной ситуацией вашего ребенка даже тогда, когда эта ситуация выходит из под контроля;
- Понимать, что контролировать ребенка — это не значит жить вместо него и делать все за него;
- Понимать, что реально в ваших силах, а что выше ваших сил и что вы сделать не сможете;
- Не спешить впопыхах расставаться со школой, но и не задерживаться в той школе, которую упорно и отчаянно, по очень важным для вашего ребенка мотивам, он посещать не хочет — советуйтесь с педагогами и специалистами;
- Не унижать человеческое достоинство вашего ребенка; от души, естественно, часто говорите ему: “все будет хорошо”, “я люблю тебя”, “я горжусь тобой”.

Учителя

С учетом вышеизложенного, мы можем определить следующие типы отношения учителей к идее помощи своим кризисным ученикам:

1. Учителя настроены на сотрудничество;
2. Учителя не считают, что они единолично способны помочь кризисному ученику, исходя из своего понимания школьного кризиса;
3. Учителя в принципе готовы сотрудничать, но особого смысла в этом не видят;
4. Учителя сами не желают включаться в процесс помощи, но готовы не мешать другим его участникам;
5. Учителя скептически оценивают любые виды помощи кризисному ученику, устранившись от определения своей позиции по этому вопросу, в принципе не желая видеть такого ребенка своим учеником;
6. Учителя занимают крайнюю негативную позицию, категорически отказываются от любого сотрудничества, не желают дальше учить кризисного ученика.

Таким образом, принимая необходимость оказания помощи кризисным учащимся, в идеале — в командном формате, учителя находятся перед выбором трех профессиональных позиций, озвучивая соответствующие профессиональные мотивации:

I. Реальное участие в команде с распределением ответственности между ее членами: “Я вижу, что у моего ученика кризис, я очень хочу ему помочь, но не знаю, как лучше это сделать. Как здорово, что над этим можно работать совместно со специалистами и родителями в одной команде”;

II. Единоличная работа по выведению из кризиса своего ученика, единоличная оценка рекомендаций специалистов и пожеланий родителей, единоличная ответственность за исход дела: “Я сам/сама знаю, что происходит с моим учеником, знаю, что

ему нужно. Я готов/готова выслушать мнения и пожелания на этот счёт родителей. Но выбирать мне и отвечать за все мне”;

III. Выход из проекта, перекладывание всей ответственности на специалистов и родителей, формальное исполнение их плана помощи ребенку: “Я сомневаюсь, что у него кризис. Я сомневаюсь, что ему кто-то поможет. Поскольку я избавиться от него не могу и должен/должна дальше его терпеть, пусть им занимается психолог и тот, кто может. Посмотрю, как у них это получится. Я не специалист по кризисам, я не его родитель. Я и впредь буду формально относиться к нему, требовать с него и оценивать его, как предписывают мне мои профессиональные обязанности. Я готов/готова использовать в своей работе с таким учеником рекомендации специалистов и принимать к сведению пожелания родителей. Однако буду это делать в той мере, в которой мне будут позволять рабочие обстоятельства (у меня в классе, кроме него, еще тридцать детей) и моя общепедагогическая подготовка (я не психолог, и я не знаю, как на протяжении всего урока заставить его слушать меня, если, игнорируя мои замечания, он продолжает заниматься своими делами; в итоге, я опять за работу на уроке поставлю ему “2” — пусть на меня никто не обижается!)”.

Иных — непрофессиональных — мотиваций быть не может. У учителя нет права плохо относиться к ребенку, плохо обучать и несправедливо оценивать его, желать расставания со своим “проблемным” учеником и его родителями. Равно как у самого ребенка, его родителей и его специалистов нет права требовать от учителя реализации идеальной учительской мотивации. Проблема заключается в том, что идеал в нашем случае — это искреннее желание всех имеющих отношение к кризисной ситуации (начиная с самого ребенка) взаимодействовать во благо успешного завершения конкретной драматической истории в школе. А это искреннее желание учителю по приказу “сделать” невозможно. Тем не менее, можно помочь скептически настроенному педагогу: подготовить соответствующие психологические условия, которые, возможно, настроят его оптимистически.

Психологические условия толерантности, помощи и собственной безопасности учителя в работе со “сверхпроблемными” учениками представляют собой соответствующие психологические установки, профессиональные реакции и готовность к действиям.

Установки:

- Учитель всегда готов к встрече с очень “тяжелыми” детьми. “Сверхпроблемный” ученик в классе — это не злой рок в профессиональной жизни учителя, а реальность, которую надо ожидать и принимать.
- Помогать ученику преодолевать тяжелый кризис педагогу под силу, если он будет верить в свои воспитательские возможности и использовать, прежде всего, собственный практический опыт и опыт своих коллег.
- Даже при самых оптимистических надеждах на собственные силы в разрешении школьного кризиса нужно понимать в каждом случае, что для учителя это профессиональное испытание, проверка на прочность.

Реакции:

- При появлении в вашем классе “сверхпроблемного” ребенка определите и проанализируйте свои чувства и мысли, связанные с ним.

- При положительных реакциях попытайтесь закрепить и усилить их во время ваших взаимоотношений со “сверхпроблемным” ребенком; при отрицательных реакциях попытайтесь понять, что именно их вызывает, и сфокусироваться на чувстве. Осознанность — это основа контроля над ситуацией.
- Сохраняющиеся реакции страха, неприязни, бессилия, обиды, раздражения не стесняйтесь “проговаривать” с коллегами, с администрацией, со школьным психологом и другими специалистами.
- Аналогичные реакции нужно прорабатывать и в отношении родителей кризисных детей,
- Сохраняйте чувство контроля над ситуацией. Чувство контроля над ситуацией — это, в первую очередь, чувство контроля над собой.

Будьте готовы к следующим действиям:

- Определите план действий в отношении вашего кризисного подопечного, согласовав его со всеми участниками образовательного процесса и специалистами.
- Выделите для себя наиболее проблемные зоны в предстоящей работе.
- Выясните наиболее необычные проявления кризиса из поведенческого репертуара ваших подопечных и определите возможные способы их предотвращения и совладания с ними.
- Организуйте доверительные отношения с самим ребенком, убедите его в вашей непредвзятости, в нежелании причинить ему зла, дайте ему понять, что вы принимаете текущую ситуацию и готовы помочь выйти из нее. Этим вы успокоите кризисного ребенка и снизите уровень его ответных негативных поведенческих реакций. При желании у вас всегда найдется возможность индивидуального подхода к кризисному ученику во всех аспектах школьной жизни. Это мощный ресурс для начала вашего диалога.
- Спокойно и уверенно воспринимайте отказы, протесты, провокации ребенка, направленные в ваш адрес. Не позволяйте ребенку разрушительно вести себя с вами и одноклассниками. По этому поводу получайте больше консультаций из различных источников. При сильных всплесках ваших эмоций в экстремальных учебных и внеучебных обстоятельствах продолжайте уверенно управлять своим гневом.
- Регулярно настраивайте одноклассников вашего кризисного подопечного на позитивное к нему отношение. Исключите любую, даже ответную и внешне заслуженную травлю со стороны его одноклассников. Повышайте доступными вам способами самооценку и авторитет ребенка.
- Аналогичным образом выстраивайте линию своих отношений с родителями кризисного ребенка, вне зависимости от характера их ответной готовности.
- Разумно прибегайте к поддержке администрации, не злоупотребляйте ею, но и не устраняйтесь.
- Аналогично ведите диалог с вашими коллегами, вне зависимости от их отношения к вашему подопечному.

- Активно привлекайте к решению проблем социального педагога и школьного психолога.
- Творчески используйте рекомендации специалистов по кризису. Организуйте с ними обратную связь.

Эта “памятка” психологических условий составлена на все случаи профессиональной жизни учителя, в том числе связанной со школьным кризисом. Условия есть условия. Они не заменяют конкретную линию взаимоотношений с терпящим бедствие ребенком. Они служат базой для всегда уникального диалога между учителем, учеником и его родителями.

Школьная администрация

Как бы ни была загружена многочисленными обязанностями администрация, она должна (и лучше раньше, чем позже) включаться во все кризисные ситуации в образовательном учреждении, реально по всем вопросам курировать и поддерживать своих педагогов, не оставляя их наедине со своими проблемами.

Школьный психолог

В тех образовательных учреждениях, где еще есть такой специалист, ресурсы психолога надо использовать на 100% для работы с кризисными ситуациями. В свои присутственные дни психолог должен работать в режиме “скорой помощи”, и в первую очередь на кризисном “фронте”. Психолог, с одной стороны, должен быть надежной поддержкой для педагогов кризисных детей, а с другой — претендентом на первое доверенное лицо для этих учащихся. К сожалению, очень часто психолог выполняет негласный заказ школы на расставание с очередным “сверхпроблемным” учеником, настраивая на это и самого ребенка, и его родителей.

Социальный педагог

Этот специалист, особенно в отсутствии школьного психолога, может стать еще одним ресурсом для кризисных учащихся и их учителей. Он может уверенно принимать участие в адаптации кризисного учащегося и в работе с его родителями. Для детей, уже поставленных на внутришкольный учет или состоящих на учете в ОДН, он должен стать ведущей фигурой и, возможно, координатором работы всей команды специалистов.

Специалисты (психолог, психотерапевт, психиатр)

Эти специалисты оказывают помощь кризисным детям и их родителям в пределах своей компетенции.

Психолог — диагностирует кризис у ребенка, определяет его происхождение и обеспечивает актуальную кризисную психологическую помощь.

Психиатр — выявляет у кризисных детей предшествующее или возникшее психическое расстройство, определяет стратегию лечения, в том числе медикаментозную, и разрабатывает лечебно-профилактические рекомендации, касающиеся всей жизнедеятельности ребенка, выбор его дальнейшего образовательного маршрута.

Врач-психотерапевт — решает проблемы психического неблагополучия своих кризисных пациентов, преимущественно с помощью психотерапии.

Помощь у этих специалистов можно получить в государственных учреждениях, правомочных ее оказывать кризисным детям. Это учреждения здравоохранения (детская психиатрия и психотерапевтическая помощь), учреждения социальной защиты населения (центры помощи семье и детям), учреждения образования (ППМС—центры), учреждения комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями (центры социального сопровождения несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений).

Кто должен быть координатором команды?

Координатором должен быть кто-то из сотрудников образовательного учреждения, в котором учится кризисный ученик. Чаще это социальный педагог или завуч, реже — классный руководитель, психолог или любой другой педагог. То, каким образом координатор прodelывает свою работу, зависит от его предпочтений и возможностей.

Итак:

- Реальность кризиса у учащихся может по-разному восприниматься и пониматься педагогами, родителями и специалистами;
- В любом случае кризисная помощь должна оказываться нуждающимся в ней учащимся, и именно в школе;
- Все связанные с кризисной ситуацией участники образовательного процесса и специалисты действуют в пределах своей ответственности и организованы по командному принципу.

Рекомендация №6

По-разному воспринимаемый кризис учащихся является реальностью и подлежит разрешению командой заинтересованных в этом лиц: самими детьми, их родителями, педагогами, специалистами.

Учителям	Родителям
Ориентироваться на позитивные профессиональные установки	Составить итоговое представление о кризисе своего ребенка и контролировать ситуацию, противодействуя своей беспомощности
Контролировать, анализировать и управлять своими реакциями на ситуацию кризиса	Вести постоянный диалог с учителями, помогая им и отстаивая интересы ребенка
Сформировать для себя план действий в отношении кризисных учеников и реализовывать его, работая в команде	Стать реальным членом команды помощи своему ребенку, не уходя от ответственности и делая для него ровно столько, сколько вы можете

Глава 7

Имеет ли школьный кризис перспективы успешного разрешения?

Яне исключаю, что читатели из числа учителей и родителей могут скептически оценить все изложенное в этой брошюре. В частности, они могут сказать, что здесь представлена идеальная картина, а в жизни так не бывает. Учитель замотан, учитель тоже человек, ему дай бог довести своих питомцев до удовлетворительной сдачи ГИА в 9-м классе и ЕГЭ в 11-м классе. И много ли мы видим идеальных альянсов учителей и родителей? Я не буду повторяться и говорить, что здесь все зависит от желания взрослых. Я только хочу еще раз напомнить, что помощь кризисному ребенку вообще и в школе в частности даже при благоприятном течении кризиса — это большая самоотдача и труд. Насколько хватит человеческой энергии у всех участников “спасательного” процесса, настолько и будет вероятен положительный исход школьного кризиса.

И последнее. К сожалению, на мой взгляд, и взгляд моих коллег и друзей—педагогов, принцип Старого Лиса из “Маленького принца” Экзюпери “Мы в ответе за тех, кого приручаем” не является ведущим для современного образования. А с моей точки зрения, он должен быть именно таким. Учитель с большой буквы и в широком смысле слова должен всегда помнить, что доверие к нему ученика — это основа основ их совместной жизни в школе и во многом — профилактика тяжелых исходов детского кризиса. В качестве оптимистического примера я приведу случай, где в итоге командный подход к кризисному ученику обеспечил положительный результат.

Несколько лет тому назад в кризисно-профилактическое отделение ГУЗ ЦВА “Детская психиатрия” им. С.С.Мнухина обратились мать с 12-летним подростком и сопровождающая их специалистка по работе с молодежью ГУ ЦПБНН “Контакт”. Из разговора выяснилось, что за 3 месяца до обращения в нашу службу этот мальчик с группой подростков совершил кражу продуктов в супермаркете. Далее как обычно: протокол, вызов на КДН и ЗП, постановка на учет в ОДН. Банальная вроде бы история, если бы не одно обстоятельство: у мальчика остаточная стоматологическая патология — расщелина губы и неба. Мальчик — единственный ребенок в семье. Родители развелись вскоре после его рождения, в дальнейшем его отец с семьей отношения не поддерживал. Его воспитывала мать, большую поддержку оказывала бабушка. По поводу врожденной патологии мальчик был несколько раз прооперирован. Последствием явился видимый шрам в носогубной области, легкая смещенность кончика носа, легкая шепелявость речи. До школьного возраста жизнь мальчика протекала без особых проблем: хорошо адаптировался в детском саду, был послушным и управляемым ребенком, быстро научился читать и писать, был активным, энергичным, инициативным. Был зачислен в обычную районную школу

по месту жительства. В младших классах учился легко и успешно. Со стороны учителей претензий и замечаний не было. Увлекался танцами. Начиная с 3-го класса некоторые одноклассники стали его дразнить из-за особенности его речи и небольшого внешнего дефекта. Его учительница умело пресекала подобные акции. Но все поменялось с вступления в среднюю школу. К этому времени у мальчика начался пубертатный период. Он становился избыточно эмоциональным и обидчивым. На любые нападки со стороны одноклассников реагировал бурно, в том числе и драками. Новая классная руководительница несправедливо считала нашего героя зачинщиком этих конфликтов, грубо его отчитывала и наказывала. Вскоре их отношения значительно ухудшились. И ученик, и учительница избыточно эмоционально стали обсуждать свои конфликтные отношения. Учительница стал регулярно вызывать в школу мать, отчитывать ее. Как-то в разговоре с матерью учительница высказала предположение о психическом нездоровье мальчика. С этого момента между ними начался затяжной конфликт.

С 6-го класса подросток теряет интерес к учебе, прогуливает, в том числе уроки, которые ведет классная руководительница. Случилось так, что во время одной из проработок она передразнила шепелявость мальчика, а он назвал ее дурой. В ответ учительница выгнала его с урока, пригласила в школу мать, поставив ученику условие публично попросить прощения. Он категорически отказался и с тех пор перестал посещать школу. Сошелся с дворовой компанией старших асоциальных подростков. С ними пропадал с утра до вечера, стал раздражительным и полностью неуправляемым ребенком. Вскоре начал покуривать, несколько раз пил пиво и джин-тоники. И в один прекрасный день с компанией согласился украсть из продовольственного магазина сладости. И только после того, как подросток был поставлен на учет в ОДН, его судьбой начали заниматься. В школе это социальный педагог, в районном отделе воспитательного сопровождения несовершеннолетних правонарушителей — специалист по работе с молодежью. С мальчиком и его мамой удалось установить доверительный контакт и, проанализировав всю историю, специалисты предположили, что подросток находится в тяжелом кризисе, в связи с чем ему и его матери было рекомендовано как можно быстрее обратиться в кризисно-профилактическую службу. При обращении в наше учреждение было уточнено переживаемое им психическое состояние. Оно было расценено как возникшее в результате переживания подростком длительного стресса, проявляемое в виде конкретных патологических поведенческих и эмоциональных реакций. В частности, имели место невыраженные колебания настроения и нарушения сна. Мальчик имел крайне неустойчивую и низкую самооценку. Был убежден в своем уродстве и осознанно и бессознательно был готов защищаться от любых намеков со стороны окружающих людей по поводу его внешности гневом и словесной агрессией. После комплексного обследования подростка был составлен план кризисной помощи, в который вошли: кризисная психотерапевтическая помощь самому подростку; психотерапевтическая помощь его матери; включение подростка в деятельность лечебного театра; нормализация ситуации в школе; сотрудничество со специалистами Центра «Контакт»; организация положительного досуга.

Через посредничество специалистов отдела воспитательного сопровождения несовершеннолетних поэтапно совместно с социальным педагогом школы был установлен диалог с завучем, классной руководительницей и другими учителями. Все они получили информацию о причинно-следственных связях между сутью кризисных переживаний их ученика и его проблемным поведением. Классная руководительница также смогла осознать связь между негативизмом своего ученика и эпизодами своей словесной несдержанности. В дальнейшем она активно вышла на примирение с ним и его матерью, извинилась за свои срывы, заявила о намерении создать максимально благоприятные условия для выхода своего ученика из кризиса. В результате комплексной работы ситуация в школе значительно изменилась: улучшилась успеваемость, подросток стал значительно спокойней, стабилизировались его настроение и сон. Он стал вновь управляемым матерью, порвал отношения с асоциальной группой уличных подростков. Драки в классе прекратились. В школе у мальчика появились несколько настоящих благополучных товарищей. Он серьезно заинтересовался историей и фольклором, стал принимать активное участие в школьных и клубных литературно-исторических вечерах, смог сполна реализовать себя как активный участник лечебного театра-сообщества. Острая часть кризиса была разрешена в течение нескольких месяцев. Когда она миновала, была смоделирована и реализовывалась поддерживающая помощь в отношении подростка и его близких. Итоговая команда состояла из завуча школы, классной руководительницы, социального педагога, специалиста по работе с молодежью района, инспектора ОДН, специалистов кризисно-профилактического отделения (психотерапевт, медицинский психолог, логопед, зав. отделением). Координатором в этой команде был специалист по работе с молодежью Центра «Контакт». В дальнейшем подросток благополучно закончил 9 классов, успешно сдал вступительные экзамены и перевелся в гуманитарную гимназию.

Свет в конце тоннеля

*Не стреляйте в пианиста,
он играет, как умеет...
(неизвестный автор)*

Я рассматриваю свои фотографии, сделанные 18 лет назад. На них — улыбающаяся молодая женщина, как раньше говорили, “в интересном положении”. Запечатлен Токсовский лесопарк. Мы с друзьями идем по висячему старому мостику над оврагом. Он немного раскачивается, и от этого слегка захватывает дух. 18 лет назад родился мой сын. И ощущение такого раскачивающегося мостика над оврагом будет сопровождать меня много лет. Недавно я встретила медсестру, которая навещала нас почти каждый день сразу после рождения Дани. Мы вспомнили все тернии, через которые пришлось и приходится проходить с сыном. И услышала: “Вы же знали, на что шли?”

Нет, не знала. Когда мы выходим замуж, мы не знаем, что нас ждет. Так же и ребенок. Он появляется на свет, и никто не знает, что будет дальше. Вроде никаких угроз, все нормально, ты цветешь и пахнешь, любишься красотой.

А потом раз — конфликт по группе крови: билирубиновая желтуха, два — как результат гидроцефальный синдром в паре с гипертензионным, три — заведующая педиатрическим отделением мягко так говорит: “Ребята, мне не нужна смерть на участке. Бегите-ка в ближайшую больницу Раухфуса, там с вами разберутся”. Разобрались. А дальше посоветовали дружить с невропатологом. Что мы и сделали — подружились. Кроме грудного молока принимали горькие пилюли, бегали на массаж, делали уколы — пригодились мои навыки домашней медсестры. Сколько потом я вколола сыну антибиотиков прямо в больнице втихаря от администрации! Никому не давался в руки, только мне, а потом привык. Можно много перечислять, все через это прошли. Главное, выкарабкались.

Сидим в коридоре на прием к невропатологу. Как всегда, много народу — родители с детьми. Сыну три года. Увидел девочку лет пяти в красных лосинах и с маминым песком на плечах. Королевская поступь, взгляд с поволокой, выступала, словно пава. Даня молча слушал книжку, которую я ему читала. Увидел Королеву и громко сказал: “Даня хочет эту девочку”. Все дружно засмеялись. Входим в кабинет. Здороваемся.

- Какие жалобы?
- Плохо спит, стонет, иногда вскакивает ночью и плачет.
- А как говорит?
- Хорошо, без акцента, — отвечаю.

Врач смеется, и я тоже. Я продолжаю перечислять: начал качаться из стороны в сторону и гудеть. иногда не отвечает, как будто не слышит, закрывает лицо ладошками и

говорит, что едет в лифте. При этом все время крутится, не сидит на месте, словно у него шило в попе. И не может ни на чем долго сосредоточиться, постоянно отвлекается.

— Ну что вы хотите, это неврология — одно переходит в другое. Давайте еще один курс реабилитации. А еще лучше — инвалидность оформим, Вам лучше будет, легче.

У меня — легкий шок, недоумение, обида...

Через год.

— Я вам хотела помочь, а вы почему-то обиделись. Теперь без психиатра нам не обойтись. Идите к О.П., он принимает у нас по вторникам.

Дело в том, что я начала работать в обычном детском саду преподавателем по подготовке детей к школе. Сыну было 4 года, когда я закончила курсы в АППО, заплатив приличную сумму за обучение. Спасибо друзьям за деньги и моей маме за бесконечное терпение...

Общаясь с обычными детьми, которые задавали вопросы “почему”, я обратила внимание, что мой сын их не задает. А раз не спрашивает вслух, не спрашивает и сам себя.

Необычные игры — кефирные коробки превращались в кухонную мебель, спичечные коробки — в паровозики и вагончики. На прогулке, если мы шли мимо парадных, сына неудержимо тянуло внутрь — посмотреть, как работает лифт. Однажды мы даже поднялись на лифте и... застряли. “Висели” минут сорок... И началось... Игры в “лифт”. Недавно сын усовершенствовал у себя в комнате сооружение — макет лифта. Интересно, когда он его уберет?

Первый визит к психиатру. Приятный молодой человек, спокойный, улыбается. Данька бегает по кабинету, ему 4,5 года. Я спокойно рассказываю о Даниных проделках. И говорю о том, что меня раздражает.

— Ребенок не должен раздражать. Давайте мы вас полечим...

— Я не откажусь. Скажите, доктор, а вы бы оставались спокойным, если ваш ребенок не задает вопросов и не отвечает на обращенную к нему речь? Говорит о себе в 3-м лице? Если он почти каждую ночь в просоночном состоянии между 4 и 5 часами вскакивает, рвет на себе майку и орет, что по нему ползают змейки, язычки и т.д.? Я пыталась ему помочь: мы вместе рисовали эти “язычки”, “змеек” и выбрасывали в окно.

— Вы грамотно пропсихотерапевтировали его страхи. А какое у вас образование?

— Библиотечное. Сейчас я работаю в детском саду с обычными детьми, и мне есть с чем сравнить.

— Да-а-а. Похоже на аутизм.

— Что-о-о-о? Есть фильм с Дастином Хоффманом “Человек дождя” про аутиста. Это же очень страшно!

— Почитайте книгу Кагана “Неконтактный ребенок”, очень много похожего. Ну что вы так разволновались, может быть и нет никакого аутизма, это всего лишь мое предположение. Я вас прошу, успокойтесь, пожалуйста. Давайте его обследуем. Приходите на Обводный. Понимаете, природа детского аутизма не изучена до конца. Возможно,

все эти странности уйдут, а может быть, что-то останется. Главное — не отчаиваться, а что-то делать. Многое зависит от вас. К сожалению, в нашей стране почти нет программ, как например, в Америке, помощи детям с разными проблемами. Вам нужно найти для сына такой детский сад, где ему будет хорошо, и подобрать такие занятия, чтобы раскрылись его таланты. Эти дети необычайно талантливы. Не надо так плакать. Хорошо, я не поставлю его на учет. Ищите специалистов, которые работают с аутичными детьми. У нас в ПНД этого нет. Его естественную активность будут “давить” препаратами.

Спасибо этому доктору. Да простят нас в ПНД. Мы только отмечались и приносили выписки и рекомендации от других специалистов, которых я все-таки нашла.

Сыну 4 года. Прыгает ко мне на колени, со смехом приговаривает: “Кто прекрасней всех на свете? Вы — в колготках “голден леди”! Дания заключает меня в объятия и заразительно хохочет. В то время по телевизору часто шла реклама — Ким Бессинджер выплывает из авто в этих самых колготках и звучит текст, который мой сын только что адресовал мне.

Летом на даче. “Каямочка, это — тебе!” Дания протягивает мне сорванный огромный пушистый душистый белый пион. У сына была такая счастливая мордаха, что я не смогла сердиться. Пион был единственный и предназначался мне.

Данька постоянно придумывает новые слова, часто уменьшительно-ласкательные.

— Мама, мне надоело слушать, как ты сердишься.

Я сердито молчала, так как сын нашкодничал.

— Мама, а когда ты была маленькой, я что делал?

— Тебя еще не было.

— Как не было? А где же я был?

— Ты еще не родился.

— А где я был, когда еще не родился?

— У меня в животе.

Сын задумался.

— Дания, посмотри, чайник кипит?

— Нет, мама, ты забыла включить его вилку в розетку.

Я чуть не упала в грядку, так как поливала огород. Пошла проверить — так и оказалось. Причем сын в это время поливал цветок.

Утром оторвал со стены кусок фотографии. Я рассердилась и сказала, что чупа-чупс не куплю. Пошли в магазин за хлебом.

— Мама, я наказан. Я оборвал стенку и мне ничего покупать не надо.

Уже вечером:

— Не трогай меня, женщина, — и смеется.

Читаем “Золушку” на ночь.

— Каямочка, ты меня любишь? И я тебя очень-очень.

Недавно спросил, будучи 16-летним:

— Мама, а есть такие же люди, как я, которые придумывают новые слова? Это нормально, что я придумываю новые названия разным предметам?

— Да, нормально, всегда были такие люди, например, поэты — Даниил Хармс, Велимир Хлебников... Они играли словами и получались замечательные необычные стихи. Вот послушай: “Бабэоби пели губы”.

В детском саду. Дане 4 года. Медсестра — мне:

— Ваш сын производит впечатление умственно отсталого ребенка.

— ???

— Я ему говорю: “Снимай тапки, вставай на весы, нужно взвеситься”. Он снимает тапок и кидает его в меня. Что это за поведение?

— Вы для него — незнакомый человек, Даня видит вас в первый раз, и ему всего 4 года. Он не понял цели своего визита к вам, он — человек, а не робот. Возможно, ему стало страшно, решил, что нужно защищаться, поэтому бросил тапок. Наверное, надо было просто поговорить с мальчиком о чем-нибудь.

— Хорошо, что вы мне объяснили, а то странное впечатление производит ваш сын.

В том же саду. Воспитательница — мне:

— Ваш сын не умеет надевать колготки, ему 4 года — давно пора.

— Научится.

— Мне некогда его учить. Я одна на группе. И знаете, он какой-то странный. На прогулке сначала качался и гудел как паровоз, а потом побежал, еле догнали.

— Простите, а что делали вы?

— В каком смысле?

— В прямом. Можно было организовать игру, объединить детей, переключить.

— У вас не садовый ребенок, а домашний, он плохо ест, выборочно, просит сварить ему яйцо и макароны.

— А какие еще проблемы вам создает мой сын? Он с кем-то дерется?

— Я же вам сказала: он — странный, ему нужен другой детский сад...

Когда я забирала документы из этого сада, заведующая сказала мне, что каждый год у них бывает по одному-двум необычным детям, и не надо обращать внимание, кто что говорит про ребенка. Прошло уже 14 лет, и я понимаю, что можно было остаться и опереться на заведующую. Но тогда было очень больно и страшно — ребенка не принимают и не хотят помочь. Подруга посоветовала Вальдорфский детский сад. Тогда в городе возникло три таких заведения, и, к счастью, один появился в нашем районе. Это была сказка... Молодые девочки после педучилища выбили через РОНО разрешение. Даня отходил полгода. Я не потянула финансово. И вдобавок ко всему этот сад не готовил к обычной школе, а только к Вальдорфской. Школа тоже была недешевая. Через несколько лет сын с укором скажет: “Зачем ты меня оттуда забрала? Мне было там так хорошо!”

Поиски продолжались, параллельно я искала специалистов, работающих с аутичными детьми. Пригодились мои знакомства с преподавателями на курсах, где я постоянно училась. Я набралась решимости и позвонила Андрею Степановичу Вальяскому. Узнав о предполагаемом диагнозе, он предложил проконсультировать сына вместе с психотерапевтом Ростиславом Яковлевичем Монастырским. Меня препарировали вопросами очень долго, в следующий раз позвали мою маму. Выяснилось, что своим отношением к ребенку мы сами создаем психиатрическую ситуацию в семье. Много делалось за Даню: одевали-раздевали, бабушка почему-то говорила с внуком в 3-м лице. И еще было столько непонятного, что мне предложили собрать для ребенка консилиум врачей. Так мы познакомились с Владимиром Васильевичем Буздиным. Светлая ему память!

Я привезла сына с температурой, взяли такси, — нельзя было откладывать визит. Я настолько была вымотана его странностями, что, несмотря на ворчание своих домашних, поехала. Сын сидел не шевелясь перед доктором.

— А какие у вас проблемы?

— У меня — никаких, — еще оставалось чувство юмора, которое столько раз будет выручать и спасать.

Буздин засмеялся.

— А вы что, хотите его в гимназию подготовить, английский там...?

— Какой английский, доктор! Мне бы его к обычной школе подготовить.

Я начала рассказывать. Предложили сделать ЭЭГ с депривацией сна. Кто делал, тот знает. Поехали в Бехтерева. Обнаружилась эпи-активность, в любой момент в результате любой инфекции могли начаться приступы. Стали давать депакин, через месяц прекратились ночные вскакивания. Впервые за пять лет я стала ночью спать. Какое это наслаждение!

Нас взял под свое крыло петроградский центр “Здоровье”, где работал Буздин. Появилась возможность получить бесплатную помощь и консультации многих специалистов, работающих в центре: логопеда, психолога, дефектолога. Это позволило сэкономить деньги и нервы. А главное — у меня был домашний телефон Буздина, которому можно было позвонить и посоветоваться. Он одним из первых предупредил меня, чтобы я не соглашалась ни на какие спецсады. Я пропущу комментарии, чтобы не обидеть специалистов, работающих там. Туда легко попасть, но выйти оттуда практически невозможно. Вход — рубль, выход — два...

— У тебя нестандартный ребенок, и к нему нужен индивидуальный подход. Давай покажем его профессору Исаеву!

На разборе профессора Дмитрия Николаевича Исаева. Сын катает по столу маленький паровозик. Вокруг — взрослые.

— Ну-с, мальчик, скажи, как тебя зовут!

— Паявозик Пигулевский,— сын, не поворачивая головы, продолжает катать и гудит.

— А что у вас было во время беременности? Травмы, стрессы?

— Да, на 8-м месяце я узнала, что у ребенка не будет отца.

— И что же случилось?

— Я всю неделю рыдала.

— Ай-я-яй, рыдали. Ну подумаешь — не будет отца, да наплевать на этих мужиков. Вон сколько вокруг рожают одни, и ничего.

— Вы знаете, у меня всегда был папа, и он был нам всем опорой во всем. Я вообще не представляла и не представляю, как это воспитывать ребенка без отца.

— Ну и зря, это сказалось на ребенке.

— Я бы, извините, посмотрела на ваше состояние, если бы вы остались без жены с маленьким ребенком на руках, да еще в 1992-м году. Тогда пельмени были по карточкам.

Потом краткий отчет Буздина. Исаев не смог сказать, что с ребенком. Заметил только, что у мальчика — сложные психические нарушения, и предложил пенсионирование.

Сын пошел в логопедический сад. Через некоторое время мне сообщили, что ребенок — сам по себе и с детьми практически не играет. Я прочитала статью в газете

об акции, проведенной сотрудниками Русского музея. И впервые узнала о музейной лечебной педагогике и арт-терапии. Связавшись с сотрудниками, вышла на только открывшийся Институт психотерапии и консультирования “Гармония”. Они были инициаторами этой арт-акции для детей с проблемами в развитии. Институт был коммерческой организацией, он и сейчас существует на ул.Гастелло, 3.

Нам опять повезло. Для аутичных детей институт разработал проект — программу помощи. Там Даню встретили психиатр Наталья Евгеньевна Марцинкевич и речевой терапевт (по-русски — логопед, это в Европе так называют логопедов, и в отличие от российской системы этих специалистов готовят в медицинских вузах) Альфия Шагеева.

— Что вас к нам привело? — традиционный вопрос. Я молча протянула Наталье Евгеньевне лист, где подробно написала о ребенке. Даньке было пять лет, несмотря на все свои особенности, сын слышал и слушал, а потом мог неожиданно спросить: “А зачем ты это про меня рассказывала?” У меня забрали листочек “на память”.

— Светлана Яновна, вам понадобится много лет, чтобы ребенок стал таким, как все. Вы — проводник для него в общении с миром.

— А как мне сохранить свое душевное здоровье?

— К сожалению, я не знаю, что вам ответить. Вы ребенка лечите у Буздина?

— Да. Многие проблемы решили. Ему нужна психотерапия и, возможно, игровая в группе. Он почему-то сам по себе, с детьми почти не общается.

— Свяжитесь с Ириной Борисовной Карвасарской, фонд “Отцы и дети”. Вот телефоны. Почитайте Никольскую и Лебединскую (авторы предлагают методику работы с аутичным ребенком), Франсуазу Дольто “На стороне ребенка”. Занятия с речевым терапевтом тоже рекомендую.

Я возила сына к Альфии почти год. Даня ее обожал. Мы встречались раз в неделю. Занятия не были типичными логопедическими. Они играли, общались. Параллельно мы возили сына на игровую терапию на Плеханова, у Казанского собора. Предупредили, что дети там очень тяжелые, а сыну нужно учиться подстраиваться под других. Два года сын “подстраивался”, а потом сказал: “Мама, зачем я сюда хожу? И почему эти дети все время молчат?” В Фонде были не только аутисты, но и ребята с разными тяжелейшими психическими нарушениями. Тем не менее, общение со специалистами этого Фонда очень меня поддержало. Особенно когда встал вопрос о дальнейшем пребывании сына в логопедическом саду. Мне опять предложили специализированный детский сад. Я сражалась за ребенка. Конечно, подключила всех, кто с ним работал. Было единодушное мнение и у Буздина, и в “Гармонии”, и в Фонде: мальчика не отдавать. Обошлось без скандала, хотя на руках у меня были все телефоны, в том числе и Комиссии по защите прав ребенка. Я перевела сына за год до школы в обычный детский сад, тем более что все звуки ребенку поставили.

Логопеды менялись в том саду, как перчатки. Сын не успевал привыкнуть, спасали мои курсы — во многом удалось заниматься самим дома.

Утро. Раздевалка. Передо мной — новенькая молодая с очень недовольным лицом логопед.

— Господи, какие тяжелые дети! Особенно ваш сын.

— Вы не видели тяжелых детей...

— Я вообще не понимаю, что он здесь делает. Ему нужен другой детский сад. Он же — умственно отсталый.

— А с чего вы взяли? Можно посмотреть ваше занятие с детьми?

Утром дома за завтраком. Муж — сыну: “Даня, закрой рот, ворона влетит”. Сын тут же без промедления отвечает: “Не влетит, форточка закрыта”.

Я зачем-то привожу логопеду этот пример, хотя понимаю, что ей все равно — холодные безразличные глаза. Я ловлю себя на том, что постоянно перед кем-то оправдываюсь, пытаюсь объяснить поведение ребенка и убедить, что он — нормальный, просто необычный.

У заведующей в кабинете.

— Почему вы скрыли, что у Дани — инвалидность, да еще по психиатрии? Мы не имеем права держать таких детей в речевом саду.

Сейчас я уже сама — дипломированный логопед. И знаю, что речевые нарушения не бывают на пустом месте. А тогда...

— А кто вам это сказал? Я не обязана ставить вас в известность, это тайна.

— Как это вам удалось ее оформить? Мы тут не можем одному ребенку помочь.

Нет смысла передавать все остальное. Сын благополучно в конце года перешел в обычный сад и целый год мы наслаждались, если это можно так назвать, нормальным обществом. Я бесконечно благодарна одной очень пожилой воспитательнице Нине Ивановне, которая не обращала внимания или “не замечала” некоторых моментов у Дани. Она могла только с улыбкой сказать:

— Светлана Яновна, ваш мальчик — такой забавный. Он недавно принес из дома длинный чулок, чем-то набитый, с глазами и красным языком. И сказал, что эта змея — его игрушка, а зовут ее Нюшка. Вы знаете, так смешно! Он стал ее возить по столу. А я его заругала: “Даня, убери со стола! Она же грязная!” Знаете, что он мне ответил? “Нина Ивановна, да не обращайтесь внимания на этого чулка! Это мне мама сшила, чтобы я змей не боялся. А я теперь и не боюсь”.

Я пишу эти строки, и жмет сердце. Как не хватает таких Ниниван нашим детям, любым детям в любом саду и школе. Доброта — великая вещь! Такие Нины Ивановны принимают детей как есть. Вторая воспитательница, что работала в паре с нашей Ниной Ивановной, развивала интеллект у детей. А Нина Ивановна просто любила... Я не буду называть имя второй. Я не собираюсь с кем-то сводить счеты, Бог этим специалистам судья. Но сколько искалеченных детских судеб и родительских жизней!

Это был последний Данин сад, где сначала сына приняли в штyki:

— Либо я, либо этот ребенок, — в конце года, когда пришла прощаться, я услышала от заведующей садом эти подробности. Такой ультиматум поставила ей одна из воспитательниц, когда сын появился первый раз в группе осенью. И пришлось ходить и всех уговаривать потерпеть, пока сын привыкнет к новой обстановке.

В конце учебного года сына не узнали. “А что это за новенький у вас появился?” — сын изменился до неузнаваемости.

Сыну — семь лет.

— Мама, помнишь, в другом саду к нам приходила такая тетя Наталья Петровна из хора “Тномики”. Где она? Давай ее найдем. Я хочу петь.

Я удивилась этой просьбе: прошло два года и сын не забыл, как они занимались. Наталья Петровна — хормейстер и преподает в Центре внешкольной работы. Она занималась с заикающимися детьми в группе, где был Даня. Сын с детства очень любит музыку и может напеть любой мотив. Мы нашли Наталью Петровну.

— Здравствуйте, я хочу у вас заниматься, петь.

— Даня, какой же ты стал большой!

Целый год сын ходил два раза в неделю и пел. Перестал заикаться и захлебываться речью.

Эти занятия, и группа обычных детей, бассейн — все способствовало тому, чтобы налаживалось общение. Я поняла, что, если искать, можно найти не только хороших врачей, но и педагогов, любящих детей и свое дело. И такому педагогу можно довериться.

Еще хочется отметить, что, благодаря своему ребенку, я стала лучше понимать других детей и увидела, сколько встречается необычных ребят в любом обычном детском саду, а в школах еще больше. И как им непросто! И со сверстниками, и со взрослыми. Ну не укладывается их мировосприятие в обычные классические рамки нашей системы образования. Не приспособлены ни детский сад, ни школа для таких детей, за исключением отдельных педагогов-самородков или руководителей, что еще реже, понимающих ситуацию.

Напоследок в детском саду, где все складывалось удачно вроде бы, мне сказали:

— Вы не питайте иллюзий, Даня не потянет массовую школу, ему нужна коррекционная.

— Посмотрим...

Перед школой предстояло пройти комиссию и решать вопрос — продолжать пенсионирование или нет. Я очень волновалась: а вдруг узнают? И тут не обошлось без курьеза. Заходим в кабинет психиатра. Взглянула на врача, и первая мысль, пришедшая

мне в голову: сапожник без сапог. Вторая — наглядное пособие для изучения типов насильственных движений. Третья — как мы будем общаться, если сын сразу вытаращил глаза. Реакция последовала незамедлительно:

— Мама, какой странный дядя! А почему он весь дергается? А зачем мы сюда пришли?

— Ха-ха-ха! Какой смешной мальчик, — психиатр развеселился.

Мне стало не по себе. Но я решила делать вид, что все нормально.

— Ну, здравствуйте! Как тебя зовут, мальчик? А какое сейчас время года?

— Здравствуйте. Даня меня зовут. А вы что, сами не знаете?

Опять смех.

— Сынок, дядя знает, какое время года, он хочет услышать, знаешь ли ты.

— Странно. Сейчас весна.

— А месяц какой?

— Дядя, вы и этого не знаете? Вы же взрослый человек? Сейчас апрель.

И все в таком же духе. Стандартный набор фраз.

Вволю насмеявшись, дернувшись в разные стороны, доктор сказал, уже обращаясь ко мне:

— Не снимайтесь с учета.

— Кто, я? — у меня тормоза уже не действовали.

— А вы что, тоже на учете?

Я вспомнила Владимира Винокура, Аркадия Райкина и всех остальных... И решила, что пора опускать занавес в этом спектакле.

— Нет, я не на учете.

— У вас — очень необычный мальчик, но на инвалидность он не тянет. Будем продолжать?

Я опешила и обрадовалась.

— Вы — врачи, вам и решать. Сын идет в массовую школу, и мне не хотелось бы, сами понимаете, чтобы об этом знали.

— Хорошо, я посоветуюсь с коллегами.

Инвалидность все-таки сняли. На что Буздин мне сказал:

— Я, конечно, очень рад. А тебе что, деньги не нужны?

Через месяц его не стало... Непередаваемое ощущение сиротства и какой-то беспомощности. А у кого дальше лечить ребенка, а главное, кто подскажет и поддержит?

Из фонда “Отцы и дети” мы ушли. Прошел этап определенный. Я так и не увидела ни одного занятия со специалистами, меня не пускали. Предложили Онежское озеро. Очень романтично, но когда я узнала, что вместе с больными детьми там под

девизом интеграции в общество живут подростки, состоящие на учете в милиции, желание пропало. Несколько лет спустя меня попросили в период школьных зимних каникул поработать кружководом в лагере “Молодежный” для детей, состоящих на учете в милиции. Я поехала с 13-летним сыном, который был все время со мной. Его это спасло.

Занимаемся новогодними сувенирами. Пришел отряд подростков 12-13 лет.

— Катя, какая ты красивая!

— Засунь себе в з.....у свою красоту.

Вечером в номере:

— Мама, почему Катя мне так грубо ответила?

— Сын, это дети из неблагополучных семей, где пьющие родители. Они не знают нормального общения.

Когда сыну было семь лет, мы поехали летом в лагерь. И Даня был в отряде с детдомовскими ребятами. На ночь я забирала сына к себе в номер. Потом он стал жаловаться, что ребята ему завидуют: иди и спи со своей мамой.

— Мама, а у них что, вообще нет родителей?

— Нет.

— А как же они появились?

— От многих мамы отказались еще при рождении.

— А зачем тогда рожали?

— Я не могу ответить тебе на этот вопрос. (Я не стала добавлять, что у некоторых детей отец на глазах у ребенка убил мать).

— А ты никогда не отдашь меня в детский дом?

— Не отдам ни за что.

Сын так и не прижился в отряде. И все последующие годы моей летней практики в разных местах я отказалась от этого “прижигания — приживания”. Даня общался с персональными ребятами, весьма неплохо. А еще я брала его с собой на занятия, и он занимался вместе со всеми на кружке. Так стали появляться приятели. А у меня — друзья-родители с детьми. Это позволяло продолжать контакты в городе и смягчить некоторые острые моменты общения.

Тут необходимо сказать об одной очень болезненной проблеме. Я фактически много лет выпала из своего естественного социума. Перестают звонить друзья, потому что сил на нормальное общение не остается — хочется говорить только о проблемах ребенка. Потому что эти проблемы идут нескончаемым потоком. Помимо любимой психиатрии начинаешь дружить с пульмонологами. И, кстати, именно больница Ра-

ухфуса помогла разбить скорлупу “яйца”, в котором сидел Даня. Ему было 6 лет, когда скорая увезла его ночью вместе со мной в непрекращающейся лихорадке. Ночь мы провели в ординаторской на кожаном диване. Еще нам дали кашу рисовую и чай. Утром я побежала на работу, обещав прийти, а днем с сыном была бабушка. И так пять суток. Потом я не выдержала, принесла мешок игрушек в палату. Объяснила сыну, что не могу больше спать в больнице на детской кровати. Кончилось тем, что в палате сына я больше не видела. Он гулял по всему отделению и менялся игрушками. И к нему постоянно приходили играть.

Девять пневмоний, и все девять — в Раухфуса. Чем не тренинг общения?

Так вот, о друзьях... Как бы ни был болен ребенок — соматически или хронически — не стоит забывать о себе. Что может дать ребенку измученная мама, растворившаяся в его проблемах? Мы — кувшин, из которого берут энергию. А где нам ее брать?

Спасибо моим друзьям и их родителям, что поддержали и поддерживают до сих пор.

— Света, завтра играем в волейбол, приезжай к семи.

— Мамочка, а бабулечка просила тебе передать, что ты в волейбол должна была играть до моего рождения.

— Даня, а ты любишь играть?

— Да.

— А почему мне нельзя?

— Можно.

— Так и передай бабулечке...

Мою маму можно понять... Выручила старенькая соседка Надежда Георгиевна. Светлая ей память!

— Данечка, ложись спать. Мама сегодня играет в волейбол и приедет поздно.

— Надежда Георгиевна, посидите, пока я раздеваюсь. И не выключайте ночник.

Прихожу. Тишина. Все спят. Сын в обнимку с кошкой Дуськой — вечной подружкой.

Я специально не просила соседку сидеть с Даней — у нее было большое сердце, а просто предупредила, что приду поздно. Сын мог оставаться один в комнате и играть, зная, что он не один в квартире. Выкручивались, как могли.

Еще спасала моя работа. Я увлеченно занималась с детьми, постоянно училась. Это помогало переключиться и одновременно решать проблемы сына.

Очень интересная получилась встреча с Ириной Ивановной Мамайчук. Мы с сыном волей судьбы попали к ней на прием. В АППО Ирина Ивановна читала нам курс разновидностей ЗПР. Да простят меня медики за этот сленг. У меня, как всегда, вопросы, потом повезла сына на консультацию. Ирина Ивановна принимала дома. Сыну почти семь лет. Из логопедического сада выгоняют.

— Тетя, а почему у вас такой большой живот? Вы ждете ребенка?

— Нет. У меня уже есть ребенок, он взрослый человек, — невозмутимый ответ.

Ирина Ивановна тихо разговаривала с Даней, целый час показывала ему разные картинки, о чем-то спрашивала, что-то сама говорила. Мне было велено не вмешиваться и молчать.

— Светлана Яновна, Даня — нестандартный ребенок, к нему нужен индивидуальный подход. И никаких спецсадов, обычная массовая школа, программа “1-4”. Если вас будут заставлять перевести сына в спецучреждение, позвоните мне, и мы им покажем-докажем... Я вам советую — займитесь собой, что вы так зациклились на ребенке? Прямо какой-то комплекс — “у меня такой ребенок”! Ну и что, зато он будет в чем-то одарен. А вы вспомните, что вы — женщина. У вас есть муж? Вот и хорошо, отдайте ему ребенка, а сами идите в парикмахерскую, куда вам хочется. Приготовьте что-нибудь, устройте себе праздник. Себя надо баловать.

Наконец-то я получила ответ на мучивший меня вопрос: как сохранить свое душевное здоровье.

Ирина Ивановна дала еще несколько рекомендаций психологического плана. Но ее урок — “себя надо баловать” — я запомнила.

Обычные дети в основном и растут-развиваются обычно, а необычные заставляют решать психологические кроссворды.

Даня пошел в обычную массовую школу. Медицинскую карту из логопедического сада мы порвали. Завели другую, для обычного сада. Начали с чистого листа... Сколько раз мы будем начинать с чистого листа! Сын пошел в школу с 8 лет.

Я искала не школу, а учителя, который примет моего сына. Нам повезло. Строгая, справедливая, добрая. Встречаю сына после уроков:

— Мама, какая Эмилия Викторовна хорошая!

На собрании родителей попросили, чтобы сообщали учителю об особенностях детей. Разумеется, по секрету. Это здорово помогло нам всем. Как оказалось, в классе было несколько своеобразных детей. Случались курьезы. Идет урок, все пишут. Даня громко запел:

— О, одиночество мое! — все засмеялись.

— Ты хорошо поешь, — реакция учителя. — Сегодня будет урок музыки, споешь нам что-нибудь?

— Мама, представляешь, мы переодевались на физкультуру, а некоторые мальчики пытались с девочек трусики снять. А после урока Эмилия Викторовна этих мальчиков поставила у доски, отругала и сказала, чтобы они сняли свои трусы, а они не снимают. Мальчики ее не послушались почему-то.

Я привела этот пример не для того, чтобы осудить действия учителя. Спорно весьма. Мой сын воспринимал многие вещи буквально.

В первом классе адаптация у сына шла успешно. Я водила его к логопеду: начиналась “зеркалка”. Сын — левша. Видя его каракули и все остальное, Любовь Андреевна настойчиво советовала перевести сына на программу “1-4”. Не было в районе школ с такой программой. Везде “1-3”. Да еще математика шла по программе Л. Петерсон. Самая настоящая “мясорубка”. Даня начал без конца болеть. В начале 3-го класса мы оба “сломались”. Как меня ни уговаривали оставить все как есть, мы нашли школу по программе “1-4”. И ушли. Если бы знать, что впереди — ад... Главное для аутичных детей — успешная социализация, а учеба — на втором месте! Учебу Даня потянул. До пятого класса все было тихо, а потом началось. Начались драки среди мальчиков, кто сильнее. Я пыталась объяснить сыну, что нужно давать отпор.

— Мама, я хожу в школу не драться, а учиться. Я не могу ударить человека — ему будет больно.

— Сын, но ведь он делает тебе больно!

— Поэтому и не хочу. Что я ему сделал такого?

Не помогли мои разговоры ни с учителем, ни с завучем.

— Даня, — советовала завуч, — дай ему в морду как следует. Если что, я буду на твоей стороне.

Разговор с директором школы после того, как Дане устроили “стрелку” на перемене, ни к чему не привел.

— Я не вижу повода для разборок: подумаешь, не отдал кубик. (У сына был самодельный мобильник — наклеенный листок с цифрами на деревянном кубике. Даня играл сам с собой на переменах, чем очень удивил детей. Почти у всех были настоящие мобильники. И мальчики хотели у него кубик отобрать.)

— Дело не в кубике.

— А что, у вашего сына синяки?

— Если бы они были, мы разговаривали бы сейчас в другом месте и на другом уровне.

— А вы знаете, я наблюдала за ним, он очень медленно утром переобувается.

— И за это надо пинать? На уроки, кстати, Даня не опаздывает. Понимаете, я не хочу, чтобы мой сын ходил в школу со страхом.

— Ах, у вас — страхи? Тогда вам надо учиться в спецшколе...

— А вы не боитесь, что ребенок, доведенный до грани, способен на отчаянный шаг?

Спустя несколько лет одна моя коллега рассказала, что во время травли ее сына разговор с директором тоже не помог. Она положила заявление на стол в милицию в отдел по делам несовершеннолетних. После этого ее сына сразу оставили в покое...

Я этого не сделала, забрала документы и перевела его в другую школу. Там началось то же самое. Пришлось “сесть” на домашнее обучение. В результате у сына совсем

пропало желание учиться. Меня очень удивляла и удивляет позиция администрации всех школ, кроме самой первой, где Даню приняли. Почему-то самые “отвязные” ребята — драчуны, туалетные курильщики — живут в школе, в основном, припеваючи. Их пожурят, пригрозят вызвать родителей и все. Стоит появиться в школе нестандартному ребенку — начинается тихая травля. Я проработала в обычной массовой школе заведующей библиотекой девять лет. Сколько детей пряталось у меня на переменах! Сколько разборок было! Однажды пришлось применить физическую силу, чтобы защитить одного мальчика. Ни на одном педсовете не было разбора случаев “дедовщины” в школе. Психологи у нас в основном занимались диагностикой.

Сына я перевела в школу 7 вида (для детей с ЗПР). Еще хуже, его опять перевели на домашнее обучение. Потом туда пришла работать психолог Ольга Николаевна Калугина. Про нее потом Даня скажет: “Вы — мое бомбоубежище!”

Она меня вызвала на прием.

— Я не понимаю, что в этой школе делает ваш сын. Ему нужна обычная массовая школа.

И мы стали бороться, чтобы оттуда выйти. Вышли с трудом. Я попросила своего директора, чтобы Даню взяли в школу, где я работала. Согласие получила при условии, что сын будет учиться только на домашнем обучении. И началась новая жизнь, опять с чистого листа. Мои коллеги очень помогли сыну адаптироваться: постепенно уходили страхи, тревоги, появилась уверенность, возникли нормальные контакты. Конечно, я была рядом, и это тоже сыграло свою роль.

Однажды ко мне подошла классная руководительница и сказала: “Света, я понимаю твои проблемы, мой сын мне тоже тяжело достался. Когда родился, сказали, что не выживет. Сейчас он заканчивает институт. Пусть Даня приходит на мои уроки и сидит вместе со всеми, пусть привыкает”.

Что касается “воспитания чувств”, нам очень помогли наши пушистые друзья — домашние питомцы. Уже 14 лет живет кошка.

В прошлом году меня потряс один случай. У меня на работе были крупные неприятности. Я пришла домой днем за фотоаппаратом, вся зареванная. Даня спросил, что случилось. Я не смогла ничего сказать и ушла на работу. Вечером прихожу. И вижу, что наш пес странно лежит в углу коридора. Я вспомнила, что утром он как-то странно дышал. Псу было уже 14 лет с тех пор, как я его нашла. Я осознала, что наш Шоник умер. Начала рыдать. Сын сообщил, что пес умер еще утром.

— Даня, почему ты мне днем этого не сказал?

— Мама, я видел, в каком состоянии ты пришла, и не стал ничего говорить, чтобы тебя не расстраивать. Я подумал, ты вечером придешь и сама все увидишь. Я его перенес в уголок, чтобы ты не заметила.

В этом году подруга подарила нам щенка. Я не хотела его брать. Очень много воспоминаний было о прежней собаке, которая фактически лечила моего сына. Сын обе-

шал гулять со щенком и воспитывать его. Я согласилась, скрепя сердце. И не пожалела. Сейчас это — друзья, и у Дани появились приятели-собачники.

Наша кошка была натуральным сновторным для сына. Ему было пять лет, когда появился крохотный котенок. До сих пор они спят вместе. Животные очень помогли мне, они научили сына чувствовать состояние другого живого существа. Они нас сопровождали постоянно: на дачах, в лагерях, домах отдыха. Конечно, были свои неудобства, но удавалось как-то договариваться с администрацией.

Еще один случай, из-за которого я долго терзалась. Сыну было 10 лет, и он посещал клуб туризма, шли занятия по ориентированию на местности. Мы договорились, что я заберу его в 6 часов вечера домой. Я сильно задержалась. По дороге встретила инструктора. Та сказала, что Даня ждет меня на улице. Она не стала брать его в парк, так как занятия с этой группой закончились. На дворе стоял конец октября, дул ветер с Невы и крапал дождь. Мне стало не по себе. Подхожу к клубу, никого нет. Где ребенок? Мобильников у нас с сыном еще не было. Иду обратно, подхожу к перекрестку. Вижу — стоит у светофора женщина и держит за руку моего плачущего мальчика.

— Мама, где ты была? Я тебя долго ждал. Чтобы не было скучно, я стал рисовать палочкой на песке. Но потом руки замерзли. Илюша (его одноклассник) вышел во двор и предложил пойти к нему погреться. А я не пошел, потому что подумал: ты меня не найдешь и будешь переживать. Я решил идти домой, дошел до светофора и опять подумал, что ты меня не найдешь. Остановился и заплакал, я не знал, что делать, а тут эта тетя подошла...

Конечно, я задала вопросы инструктору, оставившему ребенка одного на улице, закрыв клуб. Я тоже была неправа. Даня в этой ситуации оказался на высоте.

Сыну было 10 лет, когда мы поехали на зимние каникулы в пансионат. Там мы познакомились с замечательными людьми. До сих пор мы дружим семьями. И вот одну женщину Даня выделил. Надежда тоже отдыхала с сыном. В городе мы стали перезваниваться. Как-то Надя подарила Дане маленький карманный приемник. Спустя какое-то время сын ей позвонил и сказал следующее:

— Тетя Надя, я сейчас слушал передачу по вашему приемнику. Там батюшка говорил, что нам Бог посылает ангелов-хранителей на эту землю. Так вот, я вам хочу сказать, что вас мне Бог послал как ангела-хранителя за все мои страдания на этой земле.

— Данечка, ты понимаешь, что ты сейчас сказал?

— Да, тетя Надя, вы — самый прекрасный человек, которого я повстречал.

Сын благополучно закончил 9 классов. Сейчас учится на краснодеревщика в лицее. Домашнего обучения там нет. “Дедовщины” тоже. Любое издевательство пресекается на корню, вплоть до исключения из лицея. Запрещено давать клички. 70 % педагогов — мужчины. Я полагаю, если бы государство сделало все, чтобы вернуть мужчин в школы, система образования выиграла бы.

Сейчас Дане — 19 лет. За 12 лет обучения он вынужден был поменять 5 школ. До школы он поменял 5 детских садов. С трех лет сын занимается с психотерапевтами. Низкий поклон врачам: невропатологам, педиатрам, психиатрам, психотерапевтам, которые помогли и помогают сыну. В результате этой помощи Даня — полностью самостоятельный парень. Увлекается велоспортом, плаванием, фотографией, создает видеофильмы с помощью компьютера, может отремонтировать проводку, починить сантехнику и т.д. Сбылось пророчество Ирины Ивановны Мамайчук: сын технически одарен. Самое главное — он общается.

Я думаю, что на этом можно поставить многоточие и завершить рассказ о сыне. Я очень надеюсь, что эти скромные заметки кому-то помогут выдержать трудности, связанные с воспитанием аутичного, да и любого проблемного ребенка. Мне понравилась и запомнилась фраза одной мамы такого нестандартного ребенка: “Можно быть счастливой и с больным ребенком, а можно быть несчастной со здоровым”.

Я хочу сказать родителям, чтобы они не отчаивались. Из любого положения есть выход, как минимум два. Вот мои советы:

Искать хороших специалистов, которые смогут и захотят работать с ребенком, а не ставить диагнозы.

Не надо бояться психиатров. Среди них есть потрясающие специалисты и просто необыкновенные люди. Нужно найти своего врача.

Очень важно — помнить о себе. Потому что возникает созависимость от ребенка. По возможности нужно разграничить: вот его жизнь и я ему помогаю, а вот — моя жизнь и я помогаю себе и забочусь о себе. Родители должны позволять себе радости, иначе они превратятся в опустошенный сосуд, энергия иссякнет.

Хорошо бы задать самим себе вопрос — не “За что мне это?”, а “Для чего?”

Этим ребятам особенно нужна любовь, принятие их такими, какие они есть.

Придется преодолевать непонимание окружающих, будет больно, страшно.

В одиночку бороться за ребенка невозможно. Поэтому надо просить о помощи, искать врачей.

Не замыкаться в своих проблемах внутри семьи. Искать поддержку. Поэтому нужно создавать как можно больше центров помощи, тем более в таком крупном мегаполисе, как наш город.

Искать у ребенка способности к чему-либо и сразу отдавать в кружки, предупредить педагогов о его особенностях. Уверяю, найдутся педагоги, которые будут заниматься с таким ребенком, невзирая на диагноз. Кстати, в кружках такие ребята ведут себя иначе, чем в школе или в саду. Как правило, в хороших студиях к нестандартным детям и подход нестандартный.

На самом деле, детский аутизм — это особый путь развития личности. И ребенку нужны ваши любовь, терпение и вера в него. Чтобы найти контакт с ребенком и установить нормальные отношения, придется подстроиться под него. Какими бы причудливыми занятиями он ни был одержим, нужно войти в его мир и вместе с ним что-то делать, стараясь, чтобы это было осмысленным. Главное — не выпасть из реальности.

Послесловие

Уважаемые читатели, эта брошюра не претендует на роль “успешных технологий” и “ноу-хау” в деле профилактики и преодоления школьного кризиса.

Поскольку школьный кризис многолик и всегда индивидуален, навряд ли кем-либо и где-либо может быть изображена соответствующая “формула счастья”. Я уверен, что там, где взрослые искренне хотят помочь терпящим бедствие детям, они в итоге придут к намеченной цели. Желательно, чтобы это было сделано оперативно и эффективно во всех смыслах. Из всех возможных проявлений школьного кризиса автор попытался остановиться на наиболее его проблемных, экстремальных и отчаянных вариантах. Именно они отнимают больше всего энергии и требуют исключительной ответственности прежде всего у педагогов. Тем не менее, и “простые”, “мягкие”, “трогательные” варианты школьного кризиса также требуют к себе не меньшей профессиональной настороженности. Главное послание для учителей и родителей, которое я попытался передать, излагая свою точку зрения на отношение взрослых к школьному кризису, — не надо его бояться, даже если внешне он воспринимается откровенной “антисоциальщиной”. За ним всегда стоит отчаяние детей, таким образом реагирующих на школьную ситуацию. Дети имеют право на такой “несимпатичный” кризис. Так уж получилось, такова реальность. И, соответственно, они имеют право на понимание и помощь. Учителя должны настроить себя на участие в жизни этих детей, протянуть им руку помощи. И тогда положительный исход школьного кризиса более вероятен. В свою очередь, родители, переступив через обиды и разногласия с учителями, должны стать их надежными партнерами по выведению своих детей из кризиса. Командный принцип работы по выведению детей из школьного кризиса предполагает сотрудничество всех заинтересованных в этой деятельности сторон: учителей, школьной администрации, родителей, друзей, одноклассников и специалистов. Причем создание возможности для кризисных учащихся чувствовать себя реальными творцами собственной судьбы, равно как и побуждение к соучастию их одноклассников, являются условиями этой благородной миссии. В брошюре нет готовых антикризисных рецептов, нет и единственно верных концепций самого феномена школьного кризиса.

Я советую прочесть книги на тему школьного кризиса и помощи “сверхпроблемным” детям. Каждый читатель может, исходя из своих взглядов и предпочтений, отталкиваясь в этой работе от тех источников, которые оказались для него по тем или иным причинам значимыми. Я лишь упомяну ряд изданий, которые были и остаются, на мой взгляд, весьма полезными в практическом смысле:

Джон Грей “Дети с Небес”. М., 2004.

Адель Фаберн, Элен Мазлиш “Как говорить с детьми, чтобы они тебя слушали. Как слушать детей, чтобы они с тобой говорили”. М., 2009.

Росс В. Грин “Взрывной ребенок”. 2009.

Е.Ю. Клепцова “Терпимое отношение к ребенку: психологическое содержание, диагностика, коррекция”. М., 2005.

Ирина Млодик “Школа и как в ней выжить. Взгляд гуманистического психолога”. М., 2011.

Эта брошюра — приглашение к разговору всех заинтересованных судьбами современного детства и школы взрослых. Со всеми вашими комментариями и идеями автор и его коллеги с удовольствием ознакомятся по электронной почте: galinasolovyeva@gmail.com.

Советы напоследок:

1. Помните, что “невыносимое” поведение может быть проявлением естественного или отклоняющегося развития детей.
2. Поймите, что недостаточность воли и внимания или неуместную избыточность своих действий и слов “проблемные” дети контролировать не могут.
3. Имейте в виду, что сами “проблемные” дети страдают от того, что им сложно быть “как все”, и невольно провоцируют окружающих.
4. Помогите детям научиться контролировать свое “проблемное” поведение — через физическую нагрузку (“мягкие” техники типа у-шу), творчество (танцы, рисование, лепка, бисероплетение, музыка, пение).
5. Всегда сохраняйте контроль за ситуацией, будьте неизменно доброжелательными, невозмутимыми, терпеливыми и терпимыми.
6. Не допускайте ситуаций детского травматизма, своевременно в них вмешиваясь.
7. Вместо наказаний устраивайте “проблемным” детям 1-2-минутные “тайм-ауты” (посидеть на стуле, полежать на мягком ковре).
8. Учитывайте склонность “проблемных” детей к быстрому переутомлению и возбуждению, поэтому:
 - Им необходим четкий сбалансированный режим дня с чередованием занятий и отдыха; обязательные отвлечения и переключения на полезную активность;
 - Требования и просьбы необходимо адресовать таким детям с учетом их текущего психического состояния: дублировать, давать подробно;
 - Игнорируйте провокации и избыточную активность “проблемных” детей и научите тому же их одноклассников.

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава 1. Коротко о главном: право на школьный кризис.....	4
Глава 2. Что считать школьным кризисом: мнения заинтересованных сторон.....	6
Глава 3. Причины и источники школьного кризиса.....	9
Глава 4. Этапы развития и характер кризисов.....	11
Глава 5. “Чтобы чаша сия меня миновала”: образ маленького тирана.....	15
Глава 6. Вместе помогаем кризисным детям: распределение обязанностей.....	20
Глава 7. Имеет ли школьный кризис перспективы успешного разрешения?.....	33
Светлана Пигулевская. Свет в конце тоннеля.....	36
Послесловие.....	53
Советы напоследок.....	54

Илья Бердышев со своими воспитанниками в летнем лагере

www.memorial.spb.ru

Антидискриминационный центр “Мемориал” создан для защиты прав людей, подвергающихся дискриминации.

Сотрудники осуществляют правозащитные исследования и реагирование, оказывают жертвам дискриминации юридическую и психологическую помощь.

Санкт-Петербург., ул. 7-ая Красноармейская, д. 25/14, офис 410,
тел. (812) 317-89-30, тел./факс (812) 575-90-50.